

НОВОЕ ВРЕМЯ

Войцех
Ярузельский.
Опыт
военных
переворотов

сентябрь 1991

37

Цена 60 коп.
Индекс 70621

Господи,
почему наша страна
не хлебное
место?

Р А К У Р С Ы

АНДРЕЙ БИЛЬЖО

Читайте в этом номере:

СТРАНА

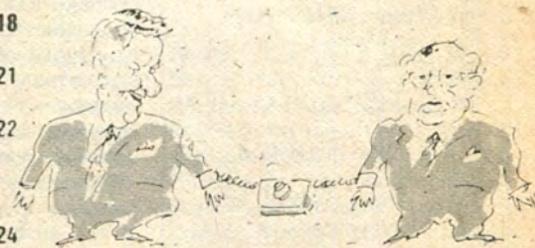
ПРОГНОЗ <i>Г. Старовойтова</i> ЧЕТВЕРТОМУ РИМУ НЕ БЫВАТЬ...	4
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ <i>Г. Сидорова</i> ДИПЛОМАТИЯ ЗАКРЫТА НА УЧЕТ	7
МОЛДОВА <i>В. Солонарь</i> РУСОФОНЫ И РУМЫНИСТЫ	8
АРМЕНИЯ-АЗЕРБАЙДЖАН <i>Н. Калинин</i> ИСХОД ИЗ НЮВАДИ	10
ПОСЛЕ ПУТЧА <i>И. Герол</i> ДРУГАЯ НАДОБНА СВОБОДА	12
<i>К. Плешаков</i> АБАДОННА СНИМАЕТ ТЕМНЫЕ ОЧКИ	14
ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО <i>А. Наумов</i> «ДА» И «НЕТ» НЕ ГОВОРИТЕ	16

Была ли депортация азербайджанцев из села Ньюади в Армении?
Стр. 10

МИР

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Р. Коэн Карп</i> ЯДЕРНАЯ КНОПКА ДЛЯ ДВОИХ	18
ИЗРАИЛЬ <i>Г. Голан</i> ЧЕМ ВЫШЕ ЗАБОР, ТЕМ ЛУЧШЕ СОСЕД	21
СССР-США <i>Е. Рузаков</i> «РУССКИЕ ГОРКИ»	22
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»	
<i>Р. Борецкий</i> МЕСТО В ИСТОРИИ ДЛЯ ГЕНЕРАЛА ЯРУЗЕЛЬСКОГО	24

Как поделит Горбачев и Ельцин ядерный чемоданчик?
Стр. 18

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА <i>Л. Тимофеев</i> КОНЕЦ БЕСПРЕДЕЛА - НА ОБЛОМКАХ ИМПЕРИИ...	30
ПОСЛЕ ПУТЧА <i>Э. Рингель</i> ЗАГОВОР КАК ФОРМА БЕЗУМИЯ	31
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Л. Безыменский</i> О ЧЕМ ЖЕ ДОГОВОРИЛСЯ СТАЛИН С ГИТЛЕРОМ В 1939 ГОДУ?	32
ДНЕВНИК СОЦИОЛОГА <i>Л. Ионин</i> ПРЕДАТЕЛЬСКИЕ ГАЛОШИ	35
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА <i>С. Соловейчик</i> АНТИ-«КАПИТАЛ» (продолжение)	36
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> ПАРТИЙНАЯ АРИФМЕТИКА	39
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>Д. Овсянко-Куликовский</i> КОНЕЦ ИДЕОЛОГИИ	40
ПОРТРЕТЫ ВРЕМЕНИ <i>Б. Жutowский</i> ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>Д. Аллин</i> МУЖИК И ПРЕФЕКТ	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

Новые документы о советизации Прибалтики
Стр. 32

Главный редактор

Александр
ПУМПИАНСКИЙ

Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ,
коммерческий директор,

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Алексей БУКАЛОВ,
ответственный секретарь,

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Никита ЖОЛКВЕР,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА,

Игорь ШЕИН,
главный художник

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене,
Дели, Лондоне, Праге, Претории,
Мехико, Нью-Йорке, Риме,
Софии, Стокгольме, Токио

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском,
английском, немецком,
итальянском языках

Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92

Отдел рекламы: 209-92-82
Печатается в типографии
«Московская правда»

© «Новое время»

■ Поздравляю всех с народной Победой! Победой «демократии в колыбели»! Приятно ощутить, что народ – не стадо и, не интересуясь всерьез политикой, сделал безошибочный выбор в критический момент истории бедной России. В этом заслуга и нашей демократической прессы – она тоже, как говорится, ковала победу здравого смысла и истинных ценностей над мраком.

Пока это не полная победа Демократии, но все-таки очень важный этап на пути к ней. Главные трудности впереди. Эйфории у нас в Ленинграде нет, есть только «тихая» радость.

Как поразила и обрадовала наша молодежь! Когда меня вызвали в Ленсовет, на площади уже находилось несколько тысяч человек, и большинство из них – молодые люди от 15 до 25 лет. Как четко у них все было организовано – баррикады, дежурства, меры против возможных провокаций...

Еще раз с Праздником Победы!

Виктор Гусаков,
ваш постоянный читатель,
рабочий, координатор по политическим и экономическим вопросам рабочего независимого движения при Исполкоме «ДР» ленинградского региона

■ Объявление о снижении стоимости подписки на «НВ» – прелесть! Но мы не изменили бы вам и в том случае, если бы цена увеличилась и в два-три раза. Как не изменили «Комсомолке» и «Огоньку». Сейчас, когда история творится на наших глазах и нашими руками, лучше подтянуть животы, латать обувь, перешивать одежду, ездить «зайцем», лишь бы не лишиться права на информацию – не лишиться любой ценой.

Желаем вам бесстрашия и оптимизма!

Т.Кобычева
– от имени шести семей,
подписавшихся на «НВ»
Алма-Ата

■ Эпоха коммунистического засилья, длившаяся в нашей стране более 70 лет, позорно закончилась. И денежные купюры с изображением В.И.Ленина вызывают неприятные чувства, напоминая о гонениях на верующих, уничтожении памятников и церковей, о раскулачивании крестьян, искусственном голоде, репрессиях и ГУЛАГе. Напоминают и о последнем государственном перевороте. Предлагаю вместо изображения главного коммуниста поместить на деньгах изображение рос-

сийского Белого дома или памятника Минину и Пожарскому.

А.Лебедев
Кировоградская область,
Украина

■ Прочитала материал Т.Ивановой «Пятачок с партийным уклоном» (№ 23/91) и появились у меня кое-какие ассоциации с одним фактом из нашей местной жизни.

22 июня недалеко от нашего поселка проходило открытие памятника жертвам сталинской эпохи. Есть у нас такое местечко «Серпантинка», названное по ручью, который там протекает. Здесь были расстреляны десятки тысяч людей. На открытии памятника (большой валун, перевитый колючей проволокой) выступали разные люди, местные жители, чудом спасшиеся жертвы лагерей. И вдруг ведущий объявляет: «Слово предоставляется секретарю райкома партии...» Тут-то и началось, народ закричал: «Не давать ему слово!». Момент был цепкотливый. Слово ему все-таки дали, он прочел какие-то стихи. Нашлись доброхоты, утверждающие, что партийный работник, мол, ни в чем не виноват. Ну совсем как старушка в материале Ивановой, которая угостила

Власов против народа не воевал...

■ Прочитал материал «Власов и власовцы» (№ 43/90) и отклик на него (№ 22/91) Ивана Куликова, который обвиняет Власова в предательстве, заявляя, что генерал перешел на сторону фашистов.

Те, кто сегодня именуются власовцами, к самому Власову никакого отношения не имеют. После того как имя генерала обрело известность на оккупированных немцами территориях, примерно в 1944 году, на рукава солдат русских батальонов в немецкой армии (они состояли в основном из военнопленных и именовались «хильфсвиллиге») нашли буквы «РОА» с андреевским флагом под ними. В таких отрядах к 1944 году насчитывалось до 900 тысяч человек. А Власов до своей встречи с Гитлером находился под домашним арестом в Дабендорфе под Берлином: он отказался быть марионеткой в руках нацистов, соглашаясь на союз с Германией только при условии рав-

ного партнерства. Он хотел, чтобы немцы ушли с Восточного фронта, а их место заняла бы русская армия, которая повела бы политическую войну с режимом Сталина. Гиммлер с этим требованием в теории согласился во время встречи Власова с нацистским руководством. И только после этого Власову удалось сколотить собственные части, состоявшие из двух с половиной дивизий и небольшого соединения ВВС. Вот с этими людьми генерал и двинулся в начале 1945 года на юг – к Чехословакии и Австрии, рассчитывая соединиться с казачьими дивизиями Паннвица и Краснова. Был у него план поднять восстание в советских войсках на Балканах, выбив Тито из Югославии. Единственной боевой акцией собственно власовцев было освобождение Праги от фашистов. Поэтому Власов никогда не воевал против собственного народа. Идеологию фашизма он не разделял: это видно из его главного документа – Праж-

Уберите Ленина с денег

Следователь объявляет голодовку

Не давайте молока коммунистам

бы коммунистку молоком, считая, что «коммунисты тоже люди, только одуревшие...» Автор так восхищалась этой старушкой, такой доброй и всепрощающей! Говорят, простота хуже воровства. Я долго не могла понять эту поговорку. Вот только на старости лет поняла. Всепрощение — наше несчастье. Негодяям надо твердо сказать, что они негодяи, а не потчевать их молочком.

Татьяна Пичукова
Магаданская область

■ Возмущение и негодование вызвали факты, изложенные в статье «Бунт в зоне» (27/91). Подобные чувства возникали, когда читал о фашистских застенках, о гестапо. И вот нечто подобное у нас, в нашей стране, где более 70 лет у власти стояли люди, называющие себя коммунистами. Ужас и позор на наши головы!

Вот он, обыкновенный фашизм: «Поколотили меня немножко, потом командуют: «Бегом!»... в дверях амбал стоит, и мне как в «торе»

даст... вдоль лестницы стоят менты и... среди них — две молодые женщины». Избиение происходило под руководством офицеров и, видимо, с одобрения работников прокуратуры, которые не могли не знать, чем может закончиться подобного рода усмирение бунта в лагере. Уверен, ни одного виновника происшедшего не привлекут к уголовной ответственности. Прокуратура сделает вид, что ничего существенного не произошло. Но ведь заключенный — тоже человек, а над ним издеваются до такой степени, что он выкалывает себе глаза! И все эти офицеры и прокуроры наверняка называли себя коммунистами. А имя им — фашисты. Из-за таких фашиствующих коммунистов люди и проникаются ненавистью ко всем рядовым членам партии.

Какие порядки царят в прокуратуре, знаю хорошо: я юрист, бывший следователь прокуратуры, изгнанный из нее за то, что не смог стать негодяем. В 1981 году мне из-за травли пришлось (может быть, первым из прокурорских работников) объявить голодовку. Через 15 дней прекратил ее потому, что мне пообещали провести объективную проверку, но потом генпрокурор Трубин не дал этого сделать.

Илларион Мазур
Усть-Камчатск

■ Я с большим интересом читаю все материалы о Чехословакии, которые дает в

ского манифеста. Независимая швейцарская пресса писала об этом манифесте, что это самый демократичный документ, когда-либо опубликованный в полицейском государстве.

Что касается перехода Власова на сторону немцев, то и об этом Куликов судит слишком упрощенно. После гибели второй армии (Сталин запретил Власову отступить) Власов, раненный в руку, скрывался в лесах. Его выдал не мцм русский крестьянин, к которому генерал вместе со своими спутниками зашел поест. Власов попал к антигитлеровской группе немецких офицеров — тем самым, которые искали случая избавиться от Гитлера и в конце концов предприняли неудачное покушение на него в 1944 году. Эти офицеры стремились привлечь русских для борьбы против Сталина, хотели найти «русского де Голля».

Вот тут мы подходим к сложному вопросу: был Власов предателем или нет? Ведь Франция подписала мирный договор с Гитлером, капитулировала. Значит, с точки зрения тогдаш-

него правительства Петена, генерал де Голль был предателем, нарушившим офицерскую присягу и поднявшим мятеж против правительства! Именно так это и выглядело бы сегодня, если бы, не дай Бог, в войне выиграла Германия. Но победили другие силы, и де Голль судил своего учителя Петена! А не было ли предательством и изменой согласие Ленина в 1917 году воспользоваться услугами и деньгами Германского генерального штаба? А если бы покушение на Гитлера удалось и Власов, получив свободу действия, вызвал мятеж в Советской Армии, режим Сталина рухнул бы и к власти пришел бы сам генерал или кто-то из его команды? Возможно, при этом немцам заплатили бы некоторые репарации, но что они в сравнении с Брестским миром? Назвал бы тогда Куликов Власова предателем?

Д. Поспеловский,
профессор русской истории
Университета Западного Онтарио,
Канада

Я ТАК ВИЖУ

Рисунок Виктора Богорада

журнале ваш соб. корр. Инна Руденко. Но, поскольку все, о чем она сообщает, происходит в Праге, создается впечатление, что она боится покидать столицу или ей это не разрешают делать начальники — как советские, так и чехословацкие. А хочется побольше узнать о жизни в стране после «бархатной революции» «в глубинке», где, как и у нас в России, перемены происходят совсем не так, как это происходит в сто-

лицах. Конечно, Вацлав Гавел — незаурядный человек, но уже скучно читать о том, какой он скромный и великий одновременно.

Хотелось бы предложить Инне Руденко побывать в городе Брунталь (Северная Моравия), чтобы мы смогли прочитать ее репортаж о том, как живет этот город и район после ухода советских солдат. Из советских газет известно, что танковая дивизия из Брунталья ушла первой. Примечателен и тот факт, что за годы «оккупации» Брунталь не захирел, а стал очень красивым городом, — я могу это сказать, потому что служил в Брунтале в 1969 году и был в 1989 году. Что думают о советских солдатах молодые жители города, которые детьми в 1969–1970 годах выступали с концертами в советских казармах и охотно общались с нашими солдатами? Помнится, что военный комендант Брунталья — капитан Громыко, самый первый из наших в ЧССР женился на чехословацкой гражданке. Интересно, не живет ли он в Брунтале и сейчас?

Анатолий Карпус
Рязань
Подборку подготовила Т. Чернова

Четвертому Риму не бывать...

Галина Старовойтова,
народный депутат СССР и РСФСР

На развалинах империи должно вырасти новое содружество, но политические режимы некоторых республик могут стать препятствием для вступления в него

Эпоха последней в мире империи окончена. Теперь на ее руинах мы будем строить новую конфедерацию. Из девяти или десяти членов? Пока не ясно. Многие будут зависеть от проекта нового Союзного договора. Старый проект должен быть пересмотрен — необходимо более надежно защитить суверенитет республик. Так, контроль за движением валюты, золотого запаса, а также над эмиссией денег нельзя оставлять за центром, его должны осуществлять сами республики, создав контрольную палату вместо Министерства финансов СССР. Нужна также совместная координация деятельности КГБ республиками — и разведки, и контрразведки, а не простое подчинение центральному аппарату, как того требовал В.Крючков.

Структура власти переходного периода

До подписания нового Союзного договора верховные органы власти претерпевают существенные изменения. Повышается значение прежнего Совета Федерации — нынешнего Государственного Совета, состоящего из президента СССР и руководителей десяти (или девяти?) республик. Новый Верховный Совет формируется по ново-огаревской модели, а вместо Кабинета министров будет создан на паритетных началах Межреспубликанский экономический комитет.

Вероятно, для переходного периода трудно было бы изобрести лучшие органы. Теперь главная задача — создание регламента из работы. Мы, например, так и не знаем, проводится ли в Государственном Совете (а раньше в Совете Федерации) голосование либо, как в старом политбюро, все вопросы решаются так называемым консенсусом, когда председательствующий добивается единого мнения от всех участников.

Верховный Совет должен быть сформирован

до конца сентября. Верхняя палата — Совет Республик — будет состоять из 232 депутатов: по 20 от девяти республик и 52 депутата от Российской Федерации. Каждая республика будет иметь в этой палате только один голос. По сути, это признание равенства народов — равноценности национальных культур независимо от размера территории, численности населения, внутреннего административного устройства (наличия автономий). Понятно, что в республиках со сложным внутренним устройством этот один голос будет результатом сложного договорного процесса.

Верхняя палата будет формироваться Верховными Советами самих республик из числа народных депутатов как СССР, так и республиканских. Неизвестно, какому числу депутатов созыва 1989 года республика доверит защиту своих интересов. По логике, больше доверия к депутатам, избранным двумя годами позже, без ограничений, которыми страдал избирательный закон 1989 года.

Нижняя палата — Совет Союза — будет состоять, как и прежде, из 272 депутатов по пропорциональным квотам из числа народных депутатов СССР, то есть здесь найдут отражение различия в численности населения тех или иных территорий.

Главной проблемой сейчас станет поиск профессиональных кадров на все уровни управления. Пожалуй, это наш главный дефицит. Даже в России, после возникновения исполнительной модели президентства, оказались вакантными многие министерские посты. Теперь, когда выражено недоверие всему Кабинету министров СССР, требуется уже несколько десятков министров как в союзные структуры, так и в российские.

Нужны ли конституция и выборы президента?

Основополагающим документом во взаимоотношениях между членами нового содружества мог бы стать новый Союзный договор. Думаю, что не следует включать в соглашение упоминание о конституции СССР.

Во-первых, этого государства более не

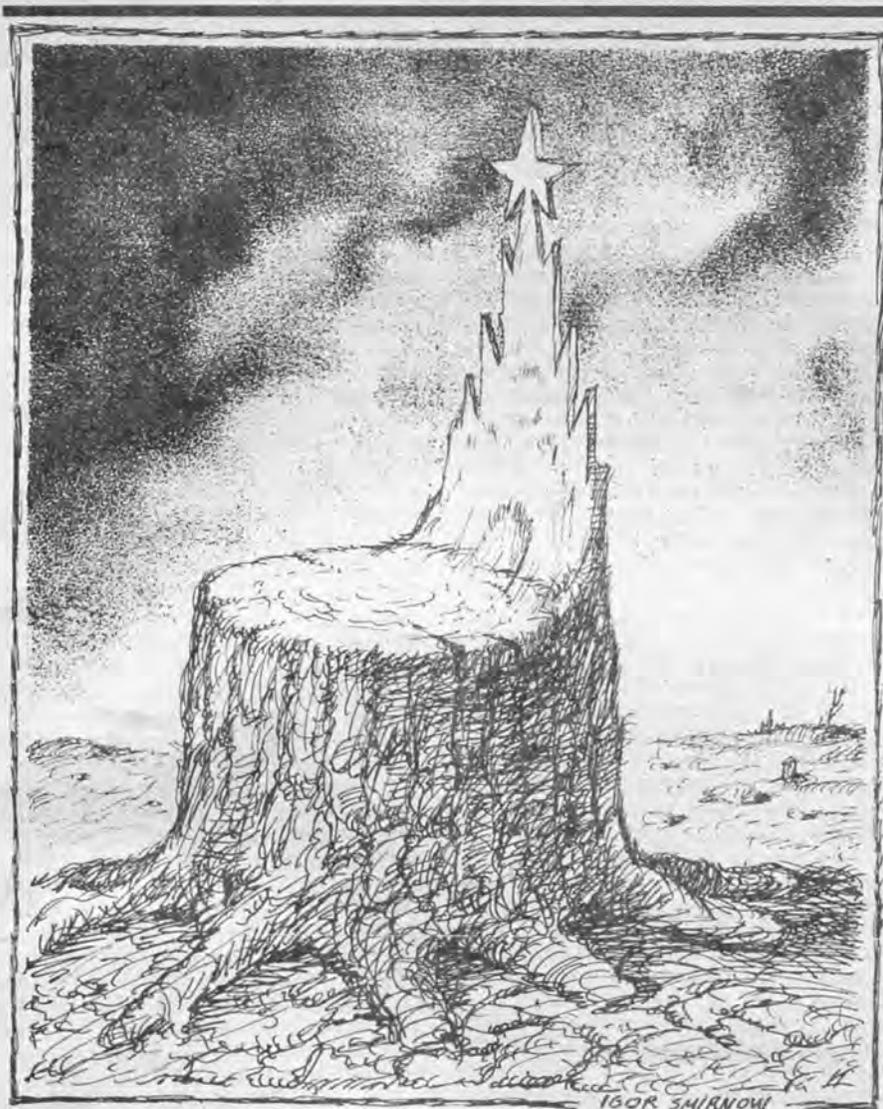

Рисунок Игоря Свиринова

существует, и, во-вторых, каждая республика в соответствии с желанием ее народа, с уровнем социально-экономического и политического развития может избрать свой политический и экономический строй. А значит, и конституции республик будут различаться. Нельзя им навязывать еще одну, союзную. На одной и той же территории может действовать только одна конституция — конституция данного суверенного государства, а не всего сообщества.

Полтора года назад, в марте 1990 года, когда состоялись первые (думаю, что и последние) выборы президента СССР, парламентская оппозиция — Межрегиональная депутатская группа (МДГ) — настаивала на том, чтобы выборы были всенародными. Тем самым, даже не создавая этого, мы давали президенту последний шанс быть избранным всем народом (правда, мы не знаем, какая была бы фамилия у того президента). А вся многоликая федерация благодаря процедуре выборов ощутила бы себя — быть может, в последний раз — единым государ-

ством, единым электоратом, имеющим единые органы власти, так или иначе выражающие интересы всех. Это были бы не только единые выборы президента СССР, но и продление существования самого Союза. Оппозиция была тогда не услышана, и этот исторический шанс упущен навсегда.

Отдавая дань уважения президенту Горбачеву за то, что он сделал для страны, все же приходится констатировать, что он — трагическая фигура в нашей истории и в будущие школьные учебники он войдет в качестве первого и последнего президента СССР. Народы, уже всенародно избравшие президента в одних республиках или собирающиеся избрать в других, просто не придут голосовать за президента второго уровня. Сегодня более реалистично говорить о выборах президента из состава органа представительной демократии — Государственного Совета, поскольку функции, объем полномочий и легитимация его власти будут иными: за ним остается лишь координирующая роль.

Диктаторские режимы и новое содружество

Теперь, особенно после последних событий, необходимо внести жесткое ограничение для вступления в новое содружество. Я имею в виду политический режим внутри некоторых республик.

Разве могут Россия, Украина, Армения подписать Союзный договор с государством, в котором будут грубо попираны права человека и нарушаться основные фундаментальные свободы? С теми республиками, в которых до сих пор отсутствует гласность, не говоря уже о свободе слова, где до сих пор имеются (и даже умножаются) политзаключенные, где ущемляются права национальных меньшинств?

Речь не идет о так называемом социально-экономическом строе, который установится в новых государствах, — это их внутреннее дело. Но политический режим, права и свободы граждан должны соответствовать нормам международного права или хотя бы стремиться к их воплощению. Я имею в виду Всеобщую Декларацию прав человека и международные пакты, ратифицированные Советским Союзом.

Но ратификации этих документов недостаточно, необходимо создание «пожарной команды в голубых касках» — некоторой группы экспертов из республик, которые следили бы за их соблюдением. Наверное, в рамках прежнего Союза должно быть признано создание такого органа, его приоритет по крайней мере в вынесении суждений о соответствии политического режима той или иной республики международным нормам. Оценка, представленная этим органом, может служить основанием для исключения республик из содружества.

Судьба невогребованных депутатов

Съезд народных депутатов СССР фактически последовал призыву МДГ: достойно сойти с исторической сцены и в трудном выборе пожертвовать личными интересами, статусом ради интересов суверенных республик. Однако из этого вытекают и несколько неожиданные последствия.

Значительная часть депутатов, уже ушедшая со своей прежней работы, может быть, даже покинувшая свои избирательные округа, остается не удел. Это, например, генералы или полковники, которых сейчас активно выпроваживают на пенсию «по выслуге лет». А многим из них нет и пятидесяти...

Другие депутаты, особенно не проявившие себя на ниве служения народу, искали внимания ЦК КПСС или местных обкомов, райкомов партии — и теперь они стараются за-

воевать расположение парламентов собственных республик. Акция, увы, запоздалая. Не исключено, что подобные депутаты, которым решено до 1994 года сохранить статус, иммунитет и так далее, со значками на лацканах, но без прежней власти начнут объединяться в какие-то политические и общественные группы и, не дай бог, уйдут «в леса», «в подполье»...

Пестрая мозаика на карте прежнего Союза

После того как показное единство республики разрушено, быстрыми темпами станет развиваться этнокультурное размежевание: значительно большую консолидирующую роль будет играть религия, конфессиональные общности, и уже через 5–6 лет мы будем иметь дело с гораздо более пестрой мозаикой, социальной и политической, на карте бывшего Советского Союза.

Конечно, интересно было бы дать прогноз по каждой республике. Но, мне думается, что многие тенденции из вышеперечисленных будут типичны для всех народов. Остановлюсь на республике, вхождение которой в Союз, может быть, имеет решающее значение для сохранения не только славянского единства, но и всего Союза, а также и европейской ориентации самой России. Я имею в виду Украину.

Полгода назад я уже высказывала прогноз, что Украина сама станет федерацией. Украина — это огромная страна, больше Англии, больше многих европейских стран,

с пятидесятиmillionным населением, со значительным природным и культурным потенциалом и с глубокими этнорегиональными различиями внутри. Мне видятся по крайней мере пять разных областей.

Всем известна специфика крымской проблемы, и Крымская автономия уже возникла. Кроме того, русскоязычный индустриальный восток — Донбасс, Запорожье — тяготеет к определенным образцам культуры и, возможно, политического устройства. Имеется центральная зона — собственно украинская, которая при ближайшем рассмотрении тоже не столь однородна. И, конечно же, Западная Украина, которая в соответствии с историческими традициями (вхождение тех или иных частей Украины в разные государства) имеет большие этнокультурные различия: части, которые входили в Австро-Венгерскую монархию, и части, что исторически были связаны с Польшей (Закарпатье и Буковина, Львовщина). И хотя Украина очень неоднородна, в целом сегодня побеждает, пожалуй, тенденция к «незалежности». Посмотрим, что принесет 1 декабря, когда будет проведен референдум о независимости.

Как бы то ни было, Украине в случае выхода из состава Союза в меньшей степени угрожает экономическая стагнация, чем, скажем, Армении или Грузии. И поэтому она может позволить себе делать выбор более свободно.

«Козлы отпущения»

Распад Союза создал опасность возникновения общественных движе-

ний, которые захотят напомнить империи о ее прегрешениях по отношению к их народу. И есть опасения, что «козлом отпущения» станут национальные меньшинства. В частности, русское меньшинство, которое составляет 25 миллионов населения во всех республиках, а не 60, как иногда ошибочно говорят, путая разные цифры: количество русских за пределами России — с общим количеством людей, проживающих в СССР вне своих национально-территориальных образований.

По сути дела, русские в республиках, которые выходят из состава СССР, нуждаются сегодня в особой форме социально-психологической адаптации, а не просто в правовой защите. В зависимости от того, будут ли возникающие проблемы решаться цивилизованным путем, мы сможем судить об уровне демократии и характере политического режима в новых государствах, на руинах бывшей империи.

Горячих точек на территории бывшего Союза, полагаю, будет много. Практически всюду мы столкнемся с некоторым обострением и пересмыслением национальных проблем на фоне экономического кризиса. Но, с другой стороны, та фрагментация, к которой пришел Союз, позволит самоуправляющимся территориям и государствам более эффективно решать свои гуманитарные, политические и экономические проблемы, не ожидая манны небесной от центра империи, от той Москвы, которая считалась всегда «третьим Римом», а четвертым — не бывать.

ПОЧТА «НВ»

Право Звиада и право Тенгиза

«З» работала адская машина Кремля при помощи грузин-предателей, осевших в Москве. Я призываю грузинский народ восстать, чтобы уничтожить этих предателей... — так говорит Звиад Гамсахурдиа. — Я готов выйти к людям и при помощи митингов, демонстраций разбудить грузинский народ и забить всех врагов».

Грузинский народ будить уже, пожалуй, не надо: он не просто разбуден, он разогрет до такой степени, что еще немного — и тбилисский

котел взорвется. И в самом деле, до какой степени высококультурный народ может терпеть гонения на свою интеллигенцию, на счету которой самые серьезные заслуги перед демократией? Тенгиз Абуладзе, Резо Эсадзе, Роберт Стурра, Джансуг Чарквиани объявлены «плохими грузинами».

Идут гонения на демократическую прессу, на любое средство массовой информации, если оно, не дай Бог, посмело выступить с критикой писателя и переводчика

Звиада Гамсахурдиа. Президент задает вопрос: по какому праву его, отца нации, осмеливаются критиковать?

У Тенгиза Абуладзе есть право предупредить свой народ о возрождении Варлама Аравидзе. Позвольте поделиться одним давним замечанием. Я принял «Покаяние» полностью, был потрясен этим фильмом. Но тот эпизод, когда Авель выбрасывает в овраг, на свалку, тело отца своего Варлама, показался мне скорее небрежностью, нежели предупреждением. Не приданное земле тело не успокоит, по христианской традиции, душу усопшего, она будет блуждать по миру и терзать живущих.

Теперь я понимаю все мужество Абуладзе, уже тогда предупредившего и свой на-

род, и всех нас. Я понимаю мужество Абуладзе и не понимаю аккуратного молчания российской интеллигенции. Сызнова мы забываем, что никогда не следует спрашивать, по ком звонит колокол...

Предполагаю, что грузинские власти могут обвинить меня во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства. Но они сами заявляют о желании войти в Европейское сообщество и потому должны знать, что в Европе уже давно признано: права человека внутренним делом не являются.

Гамсахурдиа решил порвать все отношения с СССР. Салтыков-Щедрин когда-то писал о градоначальнике города Глухова, который повелел закрыть Америку...

Андрей Черкизов

Дипломатия закрыта на учет

Внешняя политика приостановлена. В здании союзного МИДа на одних этажах истово ищут скрытых гэкачепистов. На других — обреченно ждут нашествия республиканских коллег.

В большинстве цивилизованных государств, где госаппарат деполитизирован, первое — в принципе невозможно. Политическая борьба в коридорах госдепа может присниться американскому президенту разве что в страшном сне. Чиновники, не согласные с политикой своего министра, министр, не признающий линию руководства, подают в отставку. В нашей стране, вот уже 73 года переживающей различные стадии революционного психоза, до сих пор политизировано, точнее, идеологизировано все и вся. В результате в среде чиновников часто торжествует легко приспособляющаяся Серость.

Ну а второе? Правы дипломаты, опустившие руки? Возможно ли внешняя политика страны, которой уже или еще нет?

В первые годы перестройки именно внешняя политика тянула СССР в цивилизованный мир. Сегодня правительства обретших государственность республик стремятся расширить контакты с внешним миром. Делается это порой неуклюже и не в последнюю очередь для внутреннего самодовольствия. В подобной ситуации центральное внешнеполитическое ведомство, проявив такт и высшее дипломатическое искусство, могло бы

сыграть уникальную роль — стать неким объединяющим началом, наладить взаимодействие внешнеполитических курсов десятка государств-республик, входящих в новое Евроазиатское содружество. Попробуйте представить себе экономический союз при несогласованной внешней политике.

Думается, не одним отказом от помощи режиму Кастро на Кубе — логической точкой в политике последних лет — мы можем удивить и порадовать мир. Но и тем, насколько рационально и безболезненно для государств-республик и окружающих удастся вписать их военную и экономическую политику в общемировую.

Сложность в том, что пока неясно, кто в ближайшем будущем будет считаться субъектом международного права — Россия, Казахстан, Армения, Белоруссия, содружество в целом? И соответственно, кто будет устанавливать дипотношения с другими государствами? Взять, к примеру, Израиль. Политика Шеварднадзе, продолженная Бессмертных и избавленная в августе от последних идеологических пут, логически подвела к установлению дипломатических отношений с этой страной. Но кто, когда и как это сделает?

С другой стороны, у Союза остаются международные и двусторонние обязательства. Мы перестали быть сверхдержавой. Но это не значит, что мы не можем и не должны вносить свой вклад в развитие мирового сообщества. От этого вклада не в последнюю

очередь зависят и отношение к нам, и будущий престиж содружества. Ближится Международная конференция по Ближнему Востоку, над созывом которой столько потрудились госсекретарь США и его советский коллега минувшим летом. Американцы продолжают действовать на этом направлении. А мы?

Думается, союзному МИДу вместе с республиканскими пора выйти из оцепенения и разработать некую концепцию сосуществования, соглашение о разделении полномочий, определить, что передается в республики, а что они делегируют центральному ведомству. Такое разграничение, правда, возможно лишь при определенном уровне доверия между договаривающимися сторонами.

Республики явно проявляют особый интерес к соседям либо к государствам, от которых есть надежда что-нибудь получить — главным образом, к «большой семерке». Центральный МИД мог бы сосредоточиться на стратегических направлениях внешней политики, на координации действий содружества и других центров мировой политической и экономической силы, на глобальных разоруженческих проблемах, на вопросах ядерной, экономической, экологической безопасности. Почему бы заранее не подготовить почву для выхода начинающих бизнесменов из республик-государств содружества в такие перспективные для приложения будущих капиталов регионы, как Африка, Азия, Ближний и Дальний Восток?

Как и в любом союзном ведомстве, в МИДе хватает лишних людей. Но объективно сложилось, что именно в Москве, в центре, где была единственная возможность получить элитарное образование в области международных отношений, сосредоточился интеллектуальный потенциал дипломатии, который республикам еще предстоит создавать. Разбазарить его на основе «информации о политической неблагонадежности», как это делалось в прошлом, или просто сократить на N процентов наша нищая страна сегодня позволить себе не может.

На этой неделе в связи с совещанием Конференции по человеческому измерению в Москве — парад министров. Изумленным взорам представителей 38 государств Европы, США и Канады открылись остатки привычного Союза и лоскуты его внешней политики. Кто же все-таки ею руководит? Для них это вопрос едва ли не главный.

Судя по тому, что Горбачев не предложил пост министра Эдуарду Шеварднадзе, естественному кандидату в данной непростой ситуации, он решил сделать внешнюю политику собственной вотчиной. Однако пока президент занят «разгребанием грязи» на великом внутрисоюзном бракоразводном процессе, дипломатия оказалась закрыта на учет, а внешняя политика приостановлена. Пауза затянулась.

Галина
Сидорова

В Москве парад министров. Но внешняя политика приостановлена

Русофоны и румынисты

Молдова, одной из первых активно выступившая против путча, была также в первых рядах тех, кто провозгласил свою независимость

Жители Тирасполя блокируют железнодорожный узел после ареста лидера Приднестровья

Владимир Солонарь,

народный депутат
Республики Молдова

Парадоксально, но факт: текст Декларации о независимости Республики Молдова оставляет читателя в неведении относительно того, в каких границах провозглашается независимость. «Республика Молдова, — говорится в документе, — суверенное и независимое государство, могущее свободно, без вмешательства извне решать свое настоящее и будущее в соответствии с идеалами и святыми устремлениями народа в историческом и этническом пространстве его становления» (подчеркнуто мной. — В.С.). Что означает последнее? Судя по части 3-й преамбулы, речь идет о всей территории Бессарабии и Северной Буковины, то есть о территории не только нынешней Республики Молдова, но также части Одесской (около 11 тысяч кв.км) и почти всей Черновицкой области Украины (8,1 тысячи кв.км), которые в 1940 году были переданы УССР. Часть 6-я преамбулы позволяет заключить, что имеется в виду также вся территория бывшей Молдавской Автономной ССР в составе УССР (8,1 тысячи кв.км), которая была создана в 1924 году и расфор-

мирована в 1940-м, когда шесть ее районов были переданы МССР (3,5 тысячи кв. км), а восемь — Украине. Наконец, часть 4-я — что речь идет даже о всей территории Заднепровья (Транснистрии), причем под этим названием обычно понимают пространство между Днестром и Южным Бугом, которое в 1941—1944 годах управлялось одноименным румынским губернаторством.

Таким образом, в важнейшем конституционном документе Республики Молдова сформулированы территориальные претензии к Украине, общий объем которых значительно превосходит нынешнюю территорию республики.

Русофоны...

Это около 1,7 миллиона человек — украинцы, русские, гагаузы, евреи и другие, для которых использование русского языка имеет жизненно важное значение. Их положению, что называется, не позавидуешь. Начиная примерно с 1989 года их этнические отношения в Молдове непрерывно ухудшались. С 1990 года стала чуть ли не нормой дискриминация по признаку национальной принадлежности и языка при приеме на работу, при продвижении по службе, в сфере образования. Суды в таких случаях бездействуют, а руководство республики напрочь

отрицает само существование проблемы. Эмиграция из Молдовы (куда?) становится для них мечтой. По последнему опросу общественного мнения, 29 процентов русских и украинцев Кишинева заявили о желании выехать из республики, 37 процентов еще не приняли решения и лишь 32 желают остаться.

Отчаяние и враждебность к республиканскому режиму охватили широчайшие слои русофонов. Чувствуя себя преданными и заброшенными центром и демократами, они все надежды возлагали на приход сильного человека, способного навести порядок.

...и ГКЧП

В этой связи образование и начало действий ГКЧП были встречены со вздохом облегчения. 19 августа телеграммы поддержки были отправлены от имени Тираспольского объединенного совета трудовых коллективов, некоторых депутатов и граждан. И хотя утверждение, что решения в поддержку переворота были приняты Верховными Советами Гагаузской и Приднестровской Республик, отрицается этими последними, нет сомнения, что такого рода настроения были очень широко распространены.

Сказанное — факт, который оспорить нельзя. Он может послужить как основание для легковесных об-

винений русофонов и их политических лидеров в реакционности, так и для серьезных размышлений о глубине противоречий, разделяющих ныне страну.

...Как и в других республиках, в Молдове запрещена компартия, а ее имущество национализировано. Республиканские газеты, печатавшие документы ГКЧП (а это практически все русскоязычные издания), также запрещены. Запрещено распространение периодических изданий, разрешенных путчистами (эти запреты на средства массовой информации, в том числе и прошедшие перерегистрацию в Москве, сохраняются до сих пор). На базе наиболее массовой русскоязычной республиканской газеты «Советская Молдова» Президиум парламента учредил русскоязычную газету проправительственной ориентации «Независимая Молдова», полностью изменив штат редакции.

Были распущены Советы города Бельцы, Тараклийского района и других, которые сопротивлялись введению закона «Об основах местного самоуправления» на том основании, что соответствующие изменения еще не внесены в конституцию Молдовы.

В ночь с 22 на 23 августа полиция Молдовы произвела массовые аресты депутатов Приднестровья и Гагаузии. Всего было выписано 60 ордеров, схвачены 18 человек, из которых большая часть скоро отпущена на свободу. Среди арестованных были лидеры гагаузов С.М. Топал и М.В. Киндигилян, председатель Бендерского горсовета Г.Ф. Пологов. При проведении арестов применялось насилие по отношению к задерживавшимся, а также к членам их семей и соседям. После этого охота на людей продолжалась. 28 августа в Киеве при выходе из гостиницы «Украина» был схвачен и затем вывезен в Кишинев лидер Приднестровья И.Н. Смирнов. Эта акция была произведена без согласия МВД Украины. Задержанным были предъявлены обвинения по статье 203 Уголовного Кодекса Республики Молдова — противодействие к исполнению положений конституции Республики Молдова и других законов Республики Молдова. Обвинение в поддержке путча ввиду отсутствия доказательств не предъявлялось.

Попытка справиться с мятежными республиками под предлогом «наказания путчистов» вызвала мощное противодействие. 1 сентября женщины Приднестровья начали блокаду железнодорожной линии Одесса — Кишинев. Затем к блокаде присоединились гагаузы. С этого момента стало ясно, что сильнейшее обострение политических противоречий в Молдове неизбежно, а очередное кровопролитие вполне вероятно. Состояние «ни ми-

ра, ни войны», которым характеризовалось положение до путча, кажется ныне недостижимым идеалом.

Повод для объединения?

Действительно ли руководство Молдовы всерьез относится к продекларированной независимости? Ответ на этот «кощунственный» вопрос вовсе не очевиден. В самом деле, путь к реальной независимости — долгий и трудный. Он предполагает решение множества сложнейших экономических, оборонных, дипломатических и прочих вопросов. Будет ли государство, действительно стремящееся к достижению независимости, в первом же своем документе предъявлять фантастические претензии к своему могущественному соседу? Будет ли оно действовать таким образом, чтобы как будто специально провоцировать ухудшение отношений с этим соседом? И дело не только в упомянутом уже захвате Смирнова в Киеве, но также в открытой поддержке экстремистских организаций румын Северной Буковины. Не совсем понятно также, как руководство Молдовы собирается предотвращать экономический крах республики, если оно отказалось участвовать в работе Государственного Совета.

Более чем вероятно, что правящие круги Молдовы рассматривают свою независимость как временный, переходный этап к объединению с Румынией. Именно поэтому они и не планируют проведение референдумов по вопросу о независимости, как это делают другие республики. Ибо если проводить референдум о независимости, то неизбежен будет и референдум по вопросу о присоединении к Румынии. Однако если в первом случае вполне можно быть уверенным в положительном результате голосования, то во втором этого сказать никак нельзя.

Между политическими ориентациями правящих кругов Молдовы и основной массой молдавского населения республики существует глубокое, фундаментальное противоречие. Первые находят под влиянием идей румынизма и склоняются к объединению с Румынией, вторые категорически выступают против этого.

Румынизм — политическая идеология, суть которой сводится к тезису о вневременном трансторическом единстве всех румын (восточных романцев), которые якобы самой судьбой предназначены к объединению в рамках единого национального государства. Румынизм выступает, по сути дела, как революционная идеология, направленная на ломку региональных и прочих традиций,

во имя торжества национального идеала.

Бессарабские молдаване, прожившие в составе Российской империи и союзного государства в общей сложности около полутора столетий, накопили в своем быту и образе жизни ряд особенностей, отличающих их от румын Румынии, где в XIX—XX веках активно протекал процесс вестернизации. Эта бессарабская идентичность — главная причина того, почему планы объединения с Румынией находят поддержку лишь у очень незначительной части населения республики. Однако среди этой части — практически вся молдавская гуманитарная интеллигенция, подчас искренне преданная румынизму и обладающая ныне монополией на формирование государственной идеологии в Молдове.

Молдавский бессарабский крестьянин — человек практический и консервативный. Будучи сильно заинтересованным в том, чтобы его республика получила возможность самостоятельно решать свои дела, не спрашивая по каждому поводу мнение Кремля, он в то же время с определенным скептицизмом относился к разговорам о независимости, ибо понимал: без общесоюзного экономического пространства Молдова не проживет. До 19 августа выход республики из Союза вовсе не был предрешен. Более того, наблюдалось даже некоторое усиление просоюзных, умеренных национальных сил. Путч и провозглашение независимости Украины кардинально изменили ситуацию. Но считать, что изменилось также отношение молдаван к планам объединения с Румынией, нельзя. Фундаментальное противоречие молдавской политики сохраняется.

Похоже, что радикальные националистические элементы, задающие ныне тон в Молдове, заинтересованы в дестабилизации обстановки в юго-западном регионе СССР, так как это даст им прекрасный повод требовать скорейшего объединения. Не исключено, что они рассчитывают даже на фрагментацию Украины во имя реализации своих замыслов. Втягивание Румынии в конфликт отвечает целям «крайних» этой страны и Молдовы, официальный же Бухарест сопротивляется (пока?) такому развитию.

В интересах умеренных сил Молдовы, наоборот, укрепление статуса республики как независимого государства и ее вхождение в единое экономическое пространство. Однако эти силы могут оправиться и перейти в наступление лишь в случае хотя бы некоторого успокоения страны, затвердения новых структур, упорядочения отношений между республиками.

Исход из Ньюади

В первой половине августа агентство Азербинформ сообщило о депортации жителей находящегося на территории Армении азербайджанского села Ньюади. Наш специальный корреспондент Николай КАЛИНКИН провел собственное расследование

Сотрудники Ереванского комитета по обустройству беженцев Лиля Калиян и Александр Калашьян рассказали, что в Армении сейчас около 320 тысяч беженцев, и никакие правительственные документы не могут решить их проблем.

— Согласно постановлению «О компенсации утраченного жилья и имущества» основные выплаты должны производиться из республиканского бюджета, — говорит Калашьян, — а это 1,2–1,5 миллиарда рублей, то есть почти половина республиканского бюджета. Из союзного бюджета Армении предоставили только 50 миллионов рублей. Но даже их мы не успели освоить... А с тех пор цены на жилье подскочили в несколько раз.

На общем фоне несколько лучше обстоит дело с беженцами-сельчанами. Количество оставленных ими домов в Армении и Азербайджане примерно одинаково. Но нельзя забывать, что средняя численность азербайджанской семьи значительно выше армянской.

— Из 32 тысяч оставленных азербайджанцами в Армении домов почти половина, — продолжает Калашьян, — проданы или обменены, а оставшиеся 18 тысяч — это 18 тысяч семей, то есть от силы 80 тысяч человек. Одним словом, больше 120 тысяч человек Армения обустроить просто не в силах...

Беженцев из Карабаха формально нет: они не регистрируются как беженцы, не считают себя беженцами, отказываются от самых заманчивых предложений жилья в других районах, так как еще надеются на возвращение...

В Мегри я встретил одного такого беженца из Геташена. Это старый человек, живет у родственников. Вроде как в гостях. Имеет самое серьезное намерение вернуться в свой дом.

Мегринский район — самый юг республики, южнее только Иран. «Мегри» в переводе на русский означает «мед». Район издревле славен самыми сладкими фруктами, это единственное в Армении место, где инжир и гранат растут, быть может, как в России крапива: ничем не огороженные и где попало. Но вырастить сад стоит огромных трудов. Здесь почти нет зеленых гор. Под ногами — гранит. До-

жди — крайняя редкость. Самая большая ценность — отвоеванная у скал пядь земли и вода. Иные реки, пропетляв среди гор много километров, нигде не впадают — вся вода уходит на полив, — а летом и вовсе пересыхают. В полной зависимости от воды, села выстраиваются в длинную цепь домов вдоль рек и речушек. Это трудно представить россиянам, но все пригодные для жилья места освоены много веков назад, и новых попросту нет.

Около двух лет назад село Ньюади Мегринского района Армении, находящееся в 16 километрах от границы с Азербайджаном, было взято под плотный контроль армии. Мотив — охрана железной дороги, проходящей в двух километрах от села. И даже представителям районной власти вход в село был заказан. Последнее время там стоял батальон 75-й дивизии войск КГБ СССР, базирующейся в Нахичевани. Этим летом военные вдруг согласились с тем, что их присутствие лишено законных оснований. Встал вопрос о выводе войск. Сразу за ними ушли и сельчане...

«Народ не захочет»

Ньюади действительно пуст. Председатель райисполкома Енок Андреасян комментировал исход жителей с недоумением и, кажется, с обидой:

— Мы долго шли к переговорам и сделали очень выгодные предложения. Мы гарантировали жителям деревни безопасность и свободное перемещение через границу с Азербайджаном, не возражали против нормальных хозяйственных связей с соседним азербайджанским районом. Обещали и практически начали строительство дороги в Нахичевань. Хотя это сугубо внутреннее дело Армении, в переговорах на первом этапе участвовали представители Зангеланского района Азербайджана. Мы за диалог. Да у нас и не было конфликтов с нашими соседями.

— На переговорах, — продолжает Андреасян, — руководство Ньюади заняло странную позицию. Сами ничего не предложили и отказались от всех наших предложений. Дескать, народ не захочет. Я попросил дать мне возможность встретиться с людьми. В ответ — отказ. Мы знали, что информация о наших предложениях и о ходе переговоров до жителей села не доходит. Их

руководство явно вело какую-то свою политику. И все это от имени народа — но втайне от народа. Последняя встреча должна была состояться 15 июля, но они попросту не пришли...

Конкретных планов по заселению Ньюади у райисполкома нет. Прежде всего надо решить вопрос с теми 57 семьями, которые, совершив в 1988–1989 годах квартирные обмены с жителями села, из-за блокады были лишены права в нем жить. А судьба уехавших ньюадинцев будет, видимо, зависеть от переговоров на межреспубликанском уровне...

— Сообщения в прессе о депортации — ложь, — утверждает Андреасян, — они ушли сами. О причинах можно только догадываться. В течение месяца в Ньюади дважды побывал второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана Поляничко. Где появляется этот человек, там жди неприятностей...

Начальник РОВД Давид Матевосян рассказал следующее:

— Войска охраняли село несмотря на то, что не было ни единого случая провокаций с армянской стороны. Но руководители села утверждали, что у них имеются акты о 17 случаях бомбардировки Ньюади. Доказательства — никаких... Был, правда, обстрелян пост, защищавший село, — и это уже факт достоверный. Мы обсудили этот эпизод с военными и пришли к выводу, что это дело рук военизированной группы, связанной с Амановым, председателем колхоза Ньюади (в Армении колхозов нет. Это был, кстати, последний). Частично она состояла из жителей села, но в основном из приехавших, даже из Баку. Руководителем группы был также не местный.

По сведениям военных, в селе было 10 автоматов, два пулемета РПД, около 20 карабинов и более 30 единиц гладкоствольного оружия.

— Главный там, конечно, Аманов, — утверждает Матевосян. — На переговорах из всех представителей Ньюади один он имел безусловное право говорить. Если слова кого-то из сельчан не устраивали Аманова, он резко его одергивал. Впрочем, Амановым тоже кто-то руководил. Во время переговоров была заметна его зависимость от «консультаций».

— С нашей стороны тоже пока что есть неформальные группы, — признает начальник РОВД, — но не в самом Мегри: это маленький район, и всякое появление новых людей заметно. Они приходили сюда, когда обстановка обострялась. Нам удалось с ними переговорить и убедить, что мы способны поддерживать спокойствие и без их участия.

Других азербайджанских сел на территории Мегри нет, но на 48 километрах железной дороги, проходящей через район, работают только азербайджанцы, и никто их не трогает.

— В качестве гарантии безопасности мы неоднократно предлагали ньюадинцам создать отряд милиции из

Азербайджанка, оставшаяся в Ньюади. Депортации не было...

Фото автора

10–15 человек жителей села. Мы готовы были вооружить их. Но их руководители отвергли это предложение. Опять говорят: «народ не согласен». Потом нам стало известно, что 23 июля там побывал Поляничко и затем было решено, что сельчане уйдут из села, как только отойдут войска. Дома решили поджечь, а нас встретит стрельбой. В общем, настроение людей с прибытием Поляничко резко изменилось. Был он там и 7 августа...

А 8 августа войска ушли, и в ночь на 9-е жители Ньюади покинули село. Ясно, что это решение пришло к ним не вдруг: невозможно за одну ночь вывезти весь домашний скот, всех домашних животных и птиц. Когда армянские милиционеры пришли в село, оно было абсолютно пустое. Но на станции встретили не успешную выехать вместе со своими односельчанами семью Курбановых. Их убедили остаться.

Очевидно, что армянские власти не заинтересованы в исходе ньюадинцев. Им важно сохранить стабильность в районе, к тому же ньюадинцы им жить не мешают. Районные руководители говорили, что на примере Ньюади можно было показать всему миру: жить в мире армяне и азербайджанцы могут и должны.

Курбановы остаются

Мегри и Ньюади отделяют около 25 километров берега пограничного с Ираном Аракса. Бросилась в глаза неухоженность левого берега. Власть большевиков, установившаяся здесь ввиду отчаянного сопротивления только в 1924 году, внесла свои коррективы в местный ландшафт: вдоль всего берега протянули густую «колючку» с вышками и автоматчиками на них. С той поры жителям левого берега предоставлено право совершенно свободно наблюдать, как иранцы на противоположном берегу

выращивают овощи и рис, ловят в Араксе рыбу и даже купаются. Перестройка предоставила возможность для смелого эксперимента: теперь с 8.00 до 16.00 граждане СССР могут выйти за «колючку» и половить рыбу, что осталось после рыбалки иранцев...

Невозможность собирать урожай на берегу двинула вперед технический прогресс: построили насосные станции, качающие воду в сады и огороды, высота которых вынуждает делать эти станции мощными, а непрерывная работа приводит к нередким поломкам.

На насосной станции Ньюади я и встретил Мехти Курбанова, который вместе со своим отцом, матерью и сестрой остались, не уехали с односельчанами.

— Мы здесь работаем, нас уважают, никто отсюда не прогоняет. Моему отцу 65 лет. Как бросить свой дом, свою землю?

— Почему же тогда уехали остальные?

— Мы смотрим телевизор, читаем газеты и знаем о войне в Карабахе. Все боялись, что если войска уйдут из села, то придут армяне и начнут нас убивать. Из Москвы на переговоры приезжал генерал, говорил нам, что оставаться в селе не будет никакой опасности, но наш руководитель все равно не поверил.

— Были ли нападения на село, обстрелы?

— В селе ничего не было. В горах стреляли, но кто стрелял — мы не знаем. В 20 километрах отсюда убили двух пограничников, но подробностей я не знаю. Когда войска ушли из села, люди ночью ушли следом. Примерно половина уехали в свои квартиры, которые они раньше успели купить или обменять. Остальные живут в палатках в Зангеланском районе.

Кроме семьи Курбановых в селе живет еще один человек, очень веселый беззубый дед. Его русскую речь

разобрать было трудно, но не настолько, чтобы не понять, что же его так забавляло... Не желая уходить из села, но и не испытывая потребности умереть раньше отпущенного ему срока, он прятался от пришедших милиционеров — армян. И неожиданно для него оказалось, что обижать его никто и не собирался. Это ли не повод для веселья!

Презвонная неловкость, я зашел в несколько опустевших домов. Все как будто в порядке, даже электричество есть. Окна, двери целы, нет только людей и мебели. На огородах дозревают перец, фасоль, помидоры. Видно, и в садах урожай не за горами. Некоторые сады уже подсыхают: не хватает воды, рук...

На станции — пограничный пост. После неперенной проверки паспорта, мандатов и верительных грамот как будто налажился разговор. Задаю все тот же вопрос командиру, видимо, в чине лейтенанта: почему все-таки уехали из села жители?

— Аманов здесь воду мутил, председатель колхоза...

Достаю диктофон. Лицо лейтенанта каменеет, голос приобретает официальную сухость, в глазах — выражение заглупости. Поколебавшись, он решает:

— Покинуть село их побудила неинформированность, незнание обстановки. И пропаганда экстремистскими элементами, что вот придут люди другой национальности, и они будут вас притеснять, и так далее.

— Экстремистские элементы — кто это конкретно?

— Ну, я не знаю, ну... как... в печати это проходило, что ли... На национальной почве какие-то разногласия были, всякие случаи...

Как потом выяснилось, лейтенант напрочь ничего не знал о происходящем в Карабахе, и даже название села Геташен услышал от меня впервые. За что, спрашивается, платили жалование политрукам в погранвойсках КГБ СССР? Но надо продолжать разговор:

— Были ли страхи жителей обоснованны?

— Судя по тому, как здесь живет азербайджанская семья, не обоснованны. Никто их здесь не притесняет, им привозят продукты, во всем помогают. Они не жалуются, что остались. Думаю, если ньюадинцы вернуться, ничего не случится. Руководство района дало им все гарантии...

На вопрос о том, что ему известно о действиях босвиков, лейтенант ответил ссылкой на программу «Время»...

В общем, мне ясно, что депортации не было. В исходе жителей Ньюади виновны прежде всего направлявшие их руководители села и командовавшие ими представители Азербайджана. Тот самый В.Поляничко, который дирижировал депортациями армян в Карабахе, и здесь оставил свой след.

НЬУАДИ—ЕРЕВАН—МОСКВА

Другая надобна свобода

Чрезмерно долгие торжества имеют обыкновение — не сразу заметное и потому еще более опасное — стремительно губить плоды побед

Илья Герол,
канадский политолог

Вообще праздновать приятно. В сполохах салютов легче приобщаться к общему делу, каким бы оно ни было. Тем более что недавно почившая в бозе коммунистическая власть накопила огромный опыт праздничного подъема. Какая музыка играла! На демонстрациях — за и в честь, торжественных заседаний — по поводу и по случаю, годовщинах прорытия каналов и соединения морей, воссоединения польских земель с советскими — с торжественным присвоением им имен украинских и белорусских, включения Прибалтики в состав Великого Союза — без спросу, конечно.

Три судьбоносных августовских дня, когда люди, воплотившие в себе все лучшие черты «ленинского руководящего ядра» — решительность Владимира Ильича, интеллектуальное убожество Леонида Ильича и клиническое безумие Константина Устиновича, — совершили жалкую попытку государственного переворота, выйдут в историю, как последнее эхо памятного залпа «Авроры». Помните? «Аврора» пальнула, пара сотен матросов рванулась к Зимнему и сокрушила сопротивление бедного женского батальона — единственной опоры abortированной русской демократии образца февраля 1917 года.

Кстати сказать, когда досужие историки воспользовались кратковременным всплеском вольности милостью Никиты Сергеевича Хрущева и стали подсчитывать, сколько же человек совершило Великую Октябрьскую социалистическую революцию, то есть бежали к Зимнему дождливым октябрьским днем, то к их услугам оказалось 17 тысяч изданных воспоминаний участников. Еще 20 тысяч ограничили скромным упоминанием своего вклада в штурм Зимнего в различных книгах, поэмах, лекциях и речах. Так что художники, адепты социалистического реализма, не грешили против официальной правды, когда, пользуясь литературными источниками, создавали триптихи, от рамы до рамы забитые вооруженными людьми, со счастливыми лицами бегущими в историю.

Рискуя внести диссонанс в несколько фестивального настроение сегодняшней России и других составных частей того, что все еще по привычке называется Советский Союз, но им не является, я хочу поделиться зарождающимся во мне страхом. Я боюсь, что через несколько лет книжный рынок вынесет на поверхность столько участников баррикадных боев у российского Белого дома, что они смело могут выйти на единоборство с мифическими участниками штурма Зимнего. Это еще полбеды. Хуже, если распределение постов, чинов и назначений будет обусловлено правильным ответом на вопрос: «А что ты делал с 19 по 22 августа? Я-то был на баррикадах, а ты?»

И еще хуже будет, если самым правильным ответом окажется: «На баррикады я не успел, но зато разбил булыжником окно райкома партии». Через пятнадцать лет послом России может оказаться человек, самым большим достоинством которого при назначении окажется набрасывание петли на шею какого-нибудь маленького памятника той проклятой эпохи.

Когда в июне 1967 года малочисленная израильская армия за шесть дней разгромила войска нескольких арабских стран, угрожавших самому существованию еврейского государства, известный философ и почетный профессор Иерусалимского университета Лейбовиц сказал, обращаясь по радио к ликующим толпам израильтян, праздновавших победу: «Мы нанесли поражение врагу. Мы захватили огромные земли. Сейчас, когда на нашей стороне и победа, и справедливость, надо все эти земли отдать. Все, кроме Иерусалима, потому что это наша столица».

От профессора отмахнулись, как от назойливой мухи. Но потом эти слова повторил старый Давид Бен-Гурион, основатель Израиля. Отмахнулись и от него, хотя его предложение включало в себя использовать победу для достижения мира с соседями.

Победа Израиля осталась в учебниках, а завоеванные им земли стали главным препятствием для мирного развития еврейского государства.

Участники заговора, бессмысленные и глупые чиновники, внесли за-

мечательный вклад в окончательное крушение коммунистического режима. Предатели, они заслуживают наказания. Того, что предусмотрено законом. Как неудачники и в большой степени жертвы той безумной системы, которую они так наивно решили спасти своим опереточным выступлением, они заслуживают снисхождения. Сильный и уверенный в себе — всегда снисходителен к заблудшим и слабым.

«Революция гвоздик не должна начинаться с расстрелов», — сказал в апреле 1974 года Мариу Соареш, ныне президент Португалии, а тогда один из руководителей революции против фашистского режима.

Слава Богу, что глубоко не любимая мною газета «Правда» начала выходить снова, а то как бы в подполье она не вспомнила опыт своих давних редакторов, среди которых были Иосиф Сталин и Вячеслав Молотов. И я хорошо понимаю министра иностранных дел Дании, который сказал журналистам, что он пришел в ужас, узнав, что руководители обретающих независимость прибалтийских республик не нашли более мудрого выражения своих устремлений, чем запрещение коммунистических партий.

В ноябре 1987 года у меня было самое неприятное интервью в моей журналистской карьере. Вернее, это не было даже интервью, а так — оборвавшаяся на полуслове беседа.

...Два молодых полковника с пистолетами под мышками ввели меня в огромный зал, который на самом деле был кабинетом. В углу этого монументального кабинета был стол, тоже весьма внушительных размеров. За ним сидел маленький человек с очень красивыми погонами. Так началось мое интервью с тогдашним диктатором Чили генералом Аугусто Пиночетом. Генерал этот когда-то окружил танками и бомбил с воздуха дворец своего предшественника — президента Сальвадора Альенде, который был плохим президентом, игрушкой в руках коммунистов и сумел привести страну к полной разрухе в исключительно короткий срок.

— Ваше превосходительство, — сказал я после того, как генерал рассказал мне о том, как он успешно восстановил экономику Чили и вывел ее на подступы к демократии в его, генеральском, смысле этого слова, — в связи с приближением столь долгожданной демократии в вашей стране намерены ли вы легализовать коммунистическую партию?

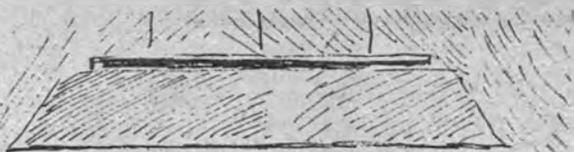

Рисунок Виктора Богорада

— Никогда! — крикнул сеньор Пиночет и, побагровев, встал, оказавшись, впрочем, того же роста, что и сидя. — Я разгромил коммунизм в Чили и никогда не допущу его возрождения.

— Но, генерал, — заметил я робко, — компартия Чили, будучи загнанной в подполье, стала самой крупной марксистской партией в Латинской Америке. А в демократических Аргентине, Уругвае и Бразилии эти партии почти что исчезли, когда они вышли из подполья.

Пиночет повернулся и вышел. Минуту спустя в зал вошли полковники с пистолетами и отправили меня назад в Канаду. Мой багаж был привезен в аэропорт.

Сила и суть демократии имеет самое отдаленное отношение к запретам как инструменту общественной жизни. Многолетний весьма успеш-

ный опыт демократии в западных и азиатских странах выработал систему, которая основана на совокупности абсолютной свободы индивидуального, партийного и ассоциативного выражения взглядов, убеждений и идеалов с твердыми и точно выполняемыми законами, направленными на охрану безопасности личности, а также коммерческой и производственной деятельности. Такое сочетание возможно при наличии этики политического общения и разветвленной системы самоограничений, диктуемых политической и общественной культурой.

Ни в одном парламенте демократической страны невозможна сцена, имевшая место в российском парламенте, когда там выступал Михаил Горбачев, вернувшийся из своего нелегкого крымского заточения.

Миллионы западных зрителей похолодели, когда вскочившая с места

народная избранница заорала прямо в усталое лицо президента: «Вы нам не нужны». И села на место, победоносно оглянувшись.

Топтание лежащих и увлеченное сведение счетов всегда было характерной чертой диктатуры пролетариата и прочих «всенародных разгулов». Политическая чернь не менее опасна, чем одиозные диктаторы. В России в отличие от других республик распадающегося Союза есть сегодня беспрецедентная возможность создать сильную, действенную и великодушную демократию. Ту самую, которая не будет спрашивать своих граждан листком анкеты: «Что ты делал до 1991 года?» И если ты не делал ничего противозаконного, то ни твои права, ни твое будущее не должны быть в опасности.

На Западе сейчас широко обсуждается вопрос широкой помощи Советскому Союзу в виде инвестиций, займов и иного содействия. Эта помощь придет только тогда, когда станет ясно, в каком виде будет существовать сообщество республик, которые составляли Советский Союз. Еще более важно знать, будут ли это демократические республики или восторжествует идеология Гамсахурдиа, согласно которой политические противники — это просто толпа злоумышленников.

Легче всего снести памятники, тем более что и опыт накоплен немалый. Но наследие уходящей эпохи — это не гранитные монументы, а набор ужасных и злых предрассудков, основанных на подозрительности, нетерпимости, жестокости и неуважении к тому, кто думает «не так».

Возможно, — и это было бы разумным шагом — Горбачев создаст свою политическую партию и, уйдя в отставку, сделает ее здравомыслящей и серьезной силой. Выборы покажут, сможет ли его партия быть правящей или оппозиционной. В демократическом обществе обе эти функции одинаково важны.

Главное, чтобы нормальным людям новосоздающейся страны не пришлось повторить горьких слов Пушкина:

Все это, видите ль, слова, слова, слова.

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:

Зависеть от властей, зависеть от народа —

Не всё ли нам равно?..

ОТТАВА

По просьбе автора гонорар за эту статью перечисляется в Фонд ликвидации последствий путча

Абадонна снимает темные очки

августовский путч и военно-промышленный комплекс

Константин Плешаков

С самого начала оговорюсь: я не принадлежу к числу пацифистов. Говорить, что ВПК вообще нам не нужен, наивно. Да, угрозы с Запада нет и никогда не было. Это выдвигал президент Крючков и Язов нас пугали Западом. Но по нашему евразийскому периметру хищничают новые центры силы. Отсюда, с бывшей периферии, исходят угрозы всеобщей, и нашей в том числе, безопасности. Останься мы наедине с Западом — можно было бы говорить о нашем одностороннем разоружении. Сейчас говорить о нем мы не имеем права.

Да, ВПК наш непомерно раздут и отбирает у нас последние крохи, и замахивается на нас прикладом. Да, необходимо сокращать его, может быть, даже вне зависимости от симметричных сокращений с американ-

ской стороны. Но евразийский периметр должен входить в уравнение нашей безопасности, и независимые эксперты должны дать оценку: что нам сохранить, чтобы и сегодня, и в дальнейшем Союз или его правопреемники могли обеспечивать безопасность бывшего «советского» геополитического пространства.

Но речь-то сейчас о другом, о том, что ВПК полностью бесконтролен. И о том, что именно он организовал августовский путч.

Боялись — партии. Раньше партия крепко держала в руках ВПК. Теперь хвост стал вилять собакой. Если не взять под контроль ВПК, тогда мы будем иметь новый путч, и новые путчисты, памятуя уроки своих незадачливых предшественников, не будут мяться на московских улицах три дня, а ударят прицельно и беспощадно, и никакие живые цепи их не остановят.

Два человека в хунте были напря-

мую из ВПК — Бакланов и Тизяков. Для широкой публики — пустые имена, что Бакланов, что Тизяков. Подозрительно неизвестные люди. Но есть основания считать, что именно Бакланов был душой заговора или по крайней мере находился в ядре его. Армия в одиночку на переворот не способна. Это был переворот ВПК. Почему о роли Бакланова пока что говорят меньше других? ВПК надеется прикинуться призраком? Но ведь именно Бакланову было доверено представлять хунту в составе четверки, метнувшейся в Форос, чтобы предъявить президенту ультиматум.

Всесильный ВПК и бессильный ЦК

Никто ВПК к августу 1991 года не управлял. ВПК был сам по себе и оттого в России приобрел большую наглость. Американские либералы твердили: не будет у вас переворота, не будет, нет в России традиции военных переворотов. И даже опыт Чили, где тоже не было традиций военных переворотов, американских либералов не убеждал. Как только ВПК оказался сам по себе, он соответствующую традицию немедленно создал.

Начнем с Горбачева. И по должности, и по опыту работы он должен был по крайней мере знать, что происходит в ВПК. Должен был иметь там своих людей. Должен был быть настороже. А как главнокомандующий должен был и вообще контролировать его. Но ничего этого не было. Хрущева сняла партия. Горбачева хотел сместить ВПК, ставший главной реальной силой в обществе после банкротства КПСС.

Немного лучше была и ситуация в стане демократов. Ельцин сказал после вильнюсских событий, что России нужна армия. Как говорил Фрейд, не бывает случайных оговорок. Ельцин чувствовал: без военных суверенитет — пустая вещь. Но своей армии в прямом смысле слова у России пока быть не могло. Значит, нужны были контакты с ВПК. Повторю еще раз: ВПК не ругательное слово, а естественный феномен, его не надо ликвидировать, его надо цивилизовать. Понятно, отчего большую роль сыграл в сопротивлении путчу военный Рудкой, понятно, насколько был грамотен выбор Ельцина, когда он искал себе напарника в вице-президенты. Однако настоящих контактов с ВПК не было. Руководители оборонных предприятий остались в стане правых. С армией работы практически не велось. В итоге — конфронтация. Когда начался путч,

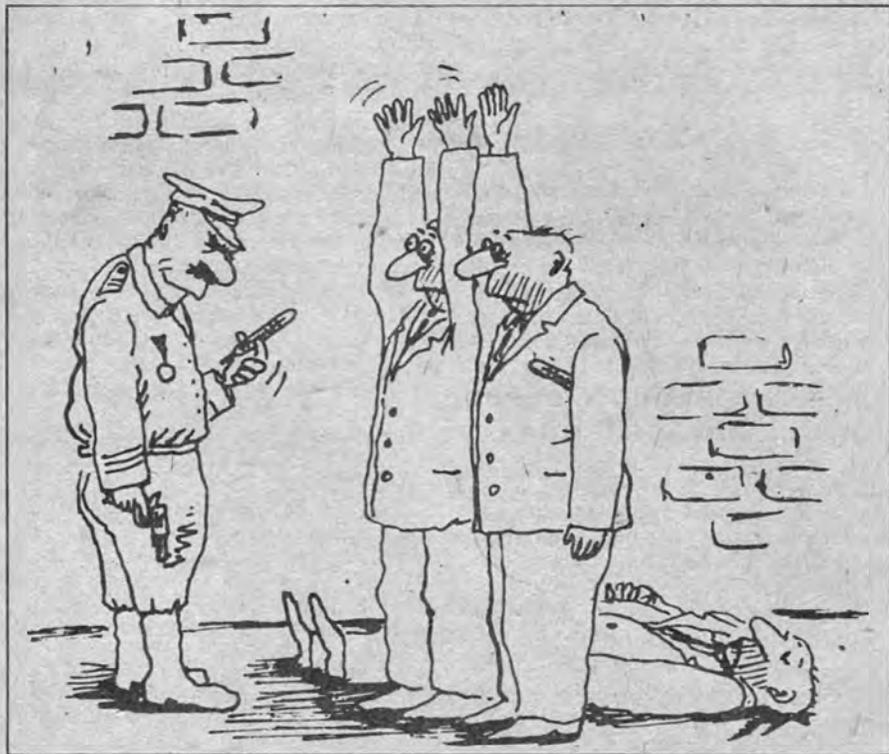

Рисунок Виктора Герасимова

депутаты вышли к войскам. Немножко поздно.

Кому это было выгодно?

Давно уже М.Джилас писал о «новом классе» в социалистических странах. К великому сожалению, мы сегодня так, по сути, и не удосужились определить точно параметры этого «нового» — эксплуататорского — класса в нашем собственном обществе, довольствуясь бессмысленными терминами «аппарат», «бюрократия», «правые». В самом общем виде можно предположить, что «новый» класс у нас — это люди, контролирующие национальное богатство и руководящие функционированием той системы общественных отношений (эксплуатации), которая обеспечивает им их ведущее экономическое и социальное положение в обществе. Примерно до 1988—1989 года костяк этого эксплуататорского класса оставался неизменным; коммунистическая партия. Два-три года назад появились серьезные признаки того, что партия не в состоянии обеспечивать интересы «нового» класса; а к лету 1990 года стало ясно, что власть КПСС убывает подобно шагреновой коже. Жизнь доказала, что КПСС опоздала на поезд: в государственный переворот партию не взяли.

В «новом» классе на первый план вышла другая группировка — военно-промышленный комплекс, представляющий верхушку армии, оборонной промышленности и связанных с ними структур. В отличие от партии ВПК был лучше приспособлен к борьбе в новых условиях.

Власть партии основывалась на построении чисто властных взаимоотношений с обществом. А властные отношения (или, проще говоря, режим) стали рассыпаться с первыми свободными выборами весной 1989 года. Власть ВПК была более осязаемой, он держал в руках лучшую часть экономического потенциала страны и сотрудничал с институтами контроля над обществом — армией, КГБ, МВД. До 1988—1989 года несвободный, во многом зависимый от партии, подлаживавшийся под нее, сражавшийся с ней, ВПК теперь обрел независимость. ВПК попытался остановить процесс перераспределения власти (в том числе и экономической) в стране. В указах-приказах ГКЧП идеологический коммунистический флер почти отсутствовал. ВПК решил полагаться на самого себя.

«Пивной путч» без пива

ВПК делал отчаянную попытку спасти «новый» класс, то, что неточно называется «привилегиями», а на самом деле — отчуждаемую от общества сладкую часть национальных богатств. Мы забываем, что дело здесь идет не только о власти. Власть как таковая привлекает достаточно немногих. Большинство видит во власти не только источник иррационального наслаждения, но вполне конкретный способ подобрать сладкие крошки, а то и кусочек.

Понятно, что большая часть армии в ВПК непосредственно не входит (что получает парень из Вологды в армии, кроме побоев и, воз-

можно, пули?), но низы армии — инструмент ВПК. Однако во время августовского путча произошел сбой. Давить народ только в силу того, что маршал Язов отдал приказ, многие отказались. Но не надо и предаваться иллюзиям: часть ВПК, видимо, создала авантюристичность путча и решила сберечь себя. Для следующих битв.

Сейчас многие ликуют. Оснований для этого немного. Эйфория — опасное состояние во время гражданской смуты. Этот путч был первым. В том, что будут предприняты новые попытки, может сомневаться только очень наивный человек.

Демократическому обществу грозят две опасности: диктаторы-популисты «снизу» и ВПК «сверху». В долгосрочном плане первая опасность страшнее, потому что популист принесет «новое». ВПК сам по себе несет «старое». Но на каком-то рубеже эти силы должны будут почти неминуемо сомкнуться. Диктатор-популист будет выпячивать свой патриотизм и даже национализм. Он не сможет опираться только лишь на свою партийку. Если он завоеует поддержку ВПК, придет к соглашению о будущем дележе пирога, ВПК с радостью поддержит диктатора «от народа» и деньгами, и оружием. Впрочем, писать обо всем этом большого смысла нет. Откройте школьный учебник и прочитайте, что случилось в Германии в 1923—1933 годах. Считайте, что «пивной путч» у нас уже состоялся. У Булгакова: чтобы пролилась большая кровь, Абадонна снимает темные очки. Абадонна снял очки.

Steepler Co. Ltd.

Член внешнеэкономической ассоциации «Конэксин»
консультативно-правовая фирма

«СТИПЛЕР»

Окажет услуги в области правового обеспечения деятельности предприятий, объединений, организации совместных предприятий:

- составление уставных документов и проведение регистрации малых предприятий, обществ с ограниченной ответственностью, акционерных обществ, СП;
- дача консультаций по приватизации государственных предприятий (акционирование предприятий);
- юридическое обеспечение приватизации предприятий (слияние, разделение, преобразование в иные организационно-правовые формы);

- дача заключений о соответствии учредительных документов действующему законодательству;
- составление гражданско-правовых договоров предприятиям, организациям, гражданам;
- консультирование предприятий по выпуску и размещению ценных бумаг;
- обучение бухгалтеров (в школе бизнеса фирмы);
- проведение аудиторских проверок финансовой деятельности предприятий.

По всем вопросам просим звонить по телефонам: 203-94-11, 276-62-85 или обращаться по адресу: 119146, Москва, а/я 22.

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

«Да» и «нет» не говорите

Несостоявшийся переворот обнажил правовую незащищенность политических и экономических реформ. И — беспомощность Комитета конституционного надзора СССР...

Анатолий Наумов,

профессор, доктор юридических наук

Произошел абсолютно неконституционный и преступный переворот, действия руководителей и исполнителей которого образуют целый «букет» статей Уголовного кодекса. Позиция Комитета конституционного надзора по этому поводу выражена в заявлении его председателя и членов такими словами: «...подобные меры **могут** (выделено автором. — А.Н.) быть юридически оправданы лишь при условии строжайшего соблюдения требований Конституции и других законов СССР». Заявляется также, что, прежде чем решить вопрос о принятии этих актов к своему рассмотрению и их юридической оценке, члены комитета обращаются к Верховному Совету СССР с запросом: намерен ли тот рассмотреть вопрос об утверждении чрезвычайного указа?

Все ставится в зависимость от того, утвердит или не утвердит Верховный Совет полномочия абсолютно преступной хунты. Значит, до решения сессии этот бесспорный вопрос комитету был неясен? Правовая робость и беспомощность органа по надзору за выполнением конституции удивительна. Сошло хотя бы на то, что в статье I Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» дается исчерпывающий перечень оснований или условий, при которых может быть объявлено чрезвычайное положение: стихийное бедствие, крупные аварии или катастрофы, эпидемии, эпизоотии, массовые беспорядки. Все. Иных оснований нет, а значит, решение ГКЧП является незаконным. И комитет обязан был об этом сказать.

Нет, не проявил комитет твердости и принципиальности. (Даже с учетом того, что часть упомянутого заявления была сокращена «чрезвычайными» цензорами.) К сожалению, в конституционной робости и нерешительности этот орган можно было упрекнуть уже не раз. И эта робость, граничившая с уступчивостью, могла только убедить нарушителей конституции в безнаказанно-

сти. Причем речь шла и о действиях тех, кто позднее оказались руководителями путча...

Вспомним, как в последние дни прошлого года был принят «приказ двух министров» (внутренних дел и обороны) об организации совместного патрулирования сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих Советской Армии. «Назначение вооруженных стрелковым оружием военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота для совместного патрулирования осуществляется: при осложнении оперативной обстановки, в том числе массовых выступлений граждан... В этих целях максимально использовать служебный автотранспорт, бронетранспортеры...» Даже со скидкой на наши вовсе не правовые традиции документ выходил за всякие приличия. Министры действовали, как будто нет в стране президента, нет парламента.

Ситуация приобрела особый трагизм в связи с событиями в Прибалтике. И теперь уже не самозванная власть (в том смысле, что два министра, несколько забегая вперед, присвоили себе чужие функции), а власть легальная должна была высказать свое отношение к указу. То есть отменить или «освятить» правовое творчество двух министров. Президент СССР предпочел проявить солидарность с Пуго и Язовым.

И вот тогда Верховный Совет РСФСР решил добиться законодательной правоты, обратившись в Комитет конституционного надзора СССР с предложением дать заключение о конституционности указанных подзаконных актов.

Комитет выполнил свою работу в два этапа. На первом он выступил с заявлением, в котором твердо следовал известному принципу: «да» и «нет» не говорите. Он обратил внимание на то, что «отсутствует четкая законодательная регламентация оснований и порядка использования Вооруженных Сил СССР внутри страны в условиях, когда не объявлено чрезвычайное положение». Соответственно этому комитет счел необходимым поставить перед Верховным Советом СССР вопрос о разработке и принятии законодательных актов, «определяющих

пределы и порядок использования Вооруженных Сил СССР, военнослужащих для разрешения внутренних конфликтов, охраны общественного порядка».

Напрямую слова «конституционность» или «неконституционность» произнесены не были (комитет обещал вспомнить о том, что в соответствии с Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 3 апреля 1990 года «В исключительных случаях по решению Верховного Совета СССР или Президента СССР для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, охраны общественного порядка и обеспечения безопасности граждан наряду с внутренними войсками МВД СССР **могут** (подчеркнуто мною. — А.Н.) привлекаться воинские части Вооруженных Сил СССР и КГБ СССР». То есть вопрос, в общем-то, простой. **Могут** — но не два министра, а Верховный Совет или президент страны. **Могут**, но в одном-единственном случае — в случае объявления где-либо чрезвычайного положения.

Итак, все было ясно. Но ясно было и то, что президента надо поддержать. Именно для этого комитетом был обнаружен законодательный пробел — отсутствие законодательного регулирования использования армии в условиях не чрезвычайных, а повседневных ситуаций.

Впрочем, благие пожелания комитета можно ведь воспринять и по-другому — пусть каждый наш будничнейший день станет из обычного чрезвычайным! Получалось, что, по мнению комитета, этот пробел в законе следовало восполнить, узаконив чрезвычайные полицейские функции армии и сделав их повседневными. Сегодня видно, что это было маневрирование на краю пропасти.

На втором этапе комитет с удовлетворением констатировал, что общесоюзный парламент внял его пожеланиям ликвидировать законодательный пробел и узаконить повседневную чрезвычайность и вынес следующее решение: «В связи с установлением в Законе СССР «О советской милиции» оснований и порядка привлечения военнослужащих к охране общественного порядка рассмотрение вопроса... считать завершенным».

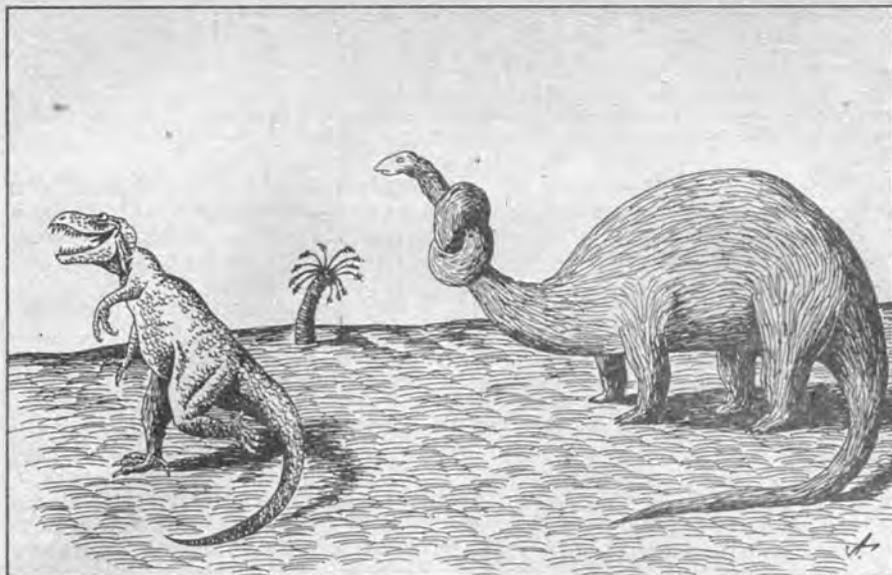

Рисунок Аркадия Гурского

Имеется в виду статья 9 Закона СССР «О советской милиции» от 6 марта: «В случаях, предусмотренных Законом, для осуществления согласованных с республиками мер по охране общественного порядка и общественной безопасности могут привлекаться военнослужащие». По мнению комитета с принятием этого закона указ президента стал вполне конституционным. Но это по мнению комитета. А как с формально-юридической стороны?

Обратимся вновь к тексту самого закона. Он ведь связывает привлечение военнослужащих к охране общественного порядка со случаями, «предусмотренными Законом для осуществления согласованных с республиками мер по охране общественного порядка и общественной безопасности».

Закон такой пока, к счастью, один и тот же — Закон о режиме чрезвычайного положения. То есть все вернулось «на круги своя». Для привлечения армии к выполнению не свойственных ей полицейских функций нужно предварительно ввести чрезвычайное положение (естественно, на законных основаниях, а не так, как поступила хунта). Иное есть грубое противоречие закону.

Думаю, компетентные члены комитета это противоречие заметили. Но в который раз политические мотивы возобладали над правовыми. Нетрудно представить ход рассуждений. «Президент в трудном положении. Его надо поддержать». Но как же со строительством правового государства, верховенством закона? То — «слова, слова, слова». А это — жизнь...

А ведь как все хорошо задумывалось! Согласно Конституции СССР Комитет конституционного надзора избирается Съездом народных депутатов СССР сроком

на десять лет — чтобы не зависел он от других властных структур, в том числе и от президента страны, чтобы сумел подняться над политическими страстями и привязанностями, используя право как единственный инструмент своей деятельности. Реалии же таковы, что председатель Комитета конституционного надзора в начале года публично объяснился в любви президенту в «Литературной газете». Конечно же, председатель комитета — человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Вправе он высказывать и свою любовь к президенту — по телефону, в письме, при личной встрече. В своей же публичной деятельности ему стоило бы от этого воздержаться. Президент придет и уйдет, а председатель Комитета конституционного надзора останется свидетелем его прихода и ухода.

Можно ли, например, представить себе, чтобы председатель Верховного суда США (а конституционный надзор является прерогативой этого судебного учреждения) через средства массовой информации объяснился в любви к Президенту США? Никак нельзя. Как говорится, не тот жанр. У нас — можно. Хотя, по-человечески, опять-таки все объяснимо. Признать указ неконституционным — объективно означает присоединиться к «хору» критикующих Горбачева «справа» и «слева», чем можно нанести удар и по перестроечным позициям в целом. Значит, воздержаться от такого решения? А дальше? Сказав «а» (не увидев неконституционности в одном случае), комитет, конечно же, молчаливо, но вполне твердо говорит «б» и в другом случае. Он промолчал после постановления правительства «О временном приостановлении в г. Москве митингов, уличных шествий и демонстраций», воздержавшись от оценки конститу-

ционности этого решения. Между тем реализация последнего на практике окончательно прояснила смысл «приказа двух министров». В точном соответствии с ним под «осложнением оперативной обстановки» были поняты именно «массовые выступления граждан», и едва ли не каждому стало ясно, что не для борьбы с преступностью замыслился этот приказ, а был ориентирован на удушение завоеванных в ходе перестройки политических свобод.

Вряд ли сейчас кто-то будет отрицать, что в описанных двух эпизодах речь шла, по сути, о репетиции нынешнего путча. И значение позиции комитета было значительно выше, чем соображения: поддерживать или не поддерживать президента.

Комитет же молчал...

Скоро, по логике, Комитет конституционного надзора СССР должен сказать свое окончательное слово о конституционности Указа Президента РСФСР о запрении функционирования организационных структур политических партий и массовых движений в государственных органах, учреждениях и организациях России.

Первоначальная реакция комитета была вполне традиционной. Поддавшись воздействию партзаставок и партборников прав человека, комитет еще до рассмотрения вопроса обратился к Президенту РСФСР с предложением отложить введение в действие этого указа. Таким образом, комитет уже нашел в указе «крамолу» (зачем было приостанавливать действие акта конституционного?).

Но то было вначале. События же развивались столь стремительно, что можно было едва ли не с уверенностью предположить: если бы комитет успел вынести свое заключение до путча (именно до, а не после него и уж, разумеется, не после указов президентов СССР и РСФСР о приостановлении деятельности КПСС — КП РСФСР), он и тогда **вынужден** был бы признать конституционность указа Ельцина. Ничего другого ему не оставалось делать.

Изъяны правовой беспомощности комитета (речь идет о его деятельности в обычных, а не чрезвычайных условиях) заложены в действующем законе об этом комитете, в установленной в нем процедуре принятия решений и их юридической силе. Правы были те, кто еще при обсуждении этого закона настаивал на том, чтобы конституционный надзор не был оторван от судебной власти, чтобы он обладал правом немедленно налагать «вето» на любой антиконституционный акт. Последние трагические события лишь подтвердили: для охраны конституции должен быть создан надежный правовой механизм.

Ядерная кнопка на двоих

«Новое время». Советские генералы в один голос утверждают, что во время путча заговорщики не распорядились атомным оружием, хотя Михаил Горбачев и лишился на время возможности командовать стратегическими войсками и вообще армией. Неужели система кодов, санкционирующая ракетно-ядерный удар — изъятый у президента «стратегический чемоданчик», — была неподвластна путчистам?

Регина Карп. Пока известно очень мало. Во-первых, из-за маниакальной секретности в СССР, а во-вторых, потому, что ранее мир мало задумывался над этим, доверяя способности советского политического руководства контролировать ядерные вооружения и дисциплинированности Генерального штаба в выполнении соответствующих приказов. В былые времена контроль находился в руках Политбюро ЦК КПСС, затем — Совета обороны. Но когда почти все правительство и Совет обороны передают Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, рущится цепочка мер безопасности. Путчисты не решились стрелять в народ, так как солдаты и офицеры в массе своей их не поддержали. А уж атомными бомбами пугать «внутреннего врага» и вовсе абсурдно. Но это не означает, что путчисты не могли пустить в ход ракетно-ядерный арсенал против «врага внешнего».

В обычной ситуации «чемоданчик» сам по себе бесполезен, ибо не только президент, но и министр обороны должен отдать Генштабу приказ об атомной атаке. Опасность состояла в том, что президентский «чемоданчик» оказался у министра обороны, вошедшего в состав хунты...

«НВ». А председатель КГБ, чьи войска охраняют ракетные базы и командные бункеры, а также обеспечивают правительственную связь, занял соседнее с министром обороны кресло в ГКЧП...

Р.К. Да, охрана операционных баз и складов атомных боеголовок доверена им. Кстати, цели для ядерных ударов, особенно тактических, определяются при непосредственном участии КГБ. Вообще-то охранные функции выполнялись нормально даже в дни переворота. Известно и

«Стратегический чемоданчик» в руках путчистов. Судьба атомного оружия в новом Союзе.

Эксперт Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира **Регина КОЭН КАРП** отвечает на вопросы корреспондента «НВ» **Александра ПОЛЮХОВА**

то, что несколько лет назад в Азербайджане террористы пытались захватить ядерные боеприпасы, но были уничтожены солдатами КГБ, имеющими соответствующий приказ в отношении лиц, стремящихся прорваться к боеголовкам.

Террористы представляют незначительную угрозу, так как даже в случае их «успеха» несанкционированный доступ к атомному оружию недостаточен — без согласия командиров баз — для его последующего применения. Ужасен иной сценарий, который стал вполне актуален в ходе путча: военачальники, имеющие необходимую подготовку, могли заполучить оружие без санкции Главнокомандующего. Угрожать атомными зарядами или пустить их в ход тогда было бы элементарно.

«НВ». Речь идет, вероятно, о тактических зарядах?

Р.К. Да. В отличие от стратегического ядерного оружия тактические носители имеются повсюду и особо не охраняются, поскольку их очень много и они предназначены для повседневного использования с

обычными зарядами. А вот хранилища атомных боеголовок раскрывают свои ворота перед армией, только когда «верхом» проходит соответствующая санкция. Какова точная процедура, нам не известно, но, надо полагать, она значительно проще, нежели в стратегических войсках. Когда же боеголовки покинули хранилище, контролировать их крайне трудно, если вообще возможно. К счастью, переворот провалился очень быстро.

«Дрожащим рукам» нельзя доверять ядерную кнопку. Их обладателю не удалось обмануть народ, но вдруг бы он с помощью министра обороны сумел обмануть компьютерные системы контроля командных центров стратегических сил?

«НВ». Раньше нас убеждали, что двойная система контроля (со стороны политического и военного руководства) лучше американской, где президент единолично может отдать приказ операторам межконтинентальных ракет и пилотам бомбардировщиков о начале атомной атаки. Теперь выясняется, что в смутные времена контроль со стороны командиров баз играет огромную роль в СССР. Не стоит ли дополнить старую систему какой-то формой независимого контроля локального характера?

Р.К. Все в СССР, включая стратегическое командование, крайне централизовано. Помните, на Западе имела хождение теория о возможности обезглавить советские ядерные силы, уничтожив политическое руководство? Поэтому децентрализация управления отчасти желательна. Но ни в коем случае нельзя делегировать право санкционировать

использование атомного оружия кому-либо, кроме высшего политического руководства. Нельзя, я подчеркиваю, даже в нынешнем положении. Число людей с доступом к боеголовкам должно быть минимальным.

Конечно, на сей раз заговор объединял слишком многих из тех, кто допущен к ядерным арсеналам. Но риск повторения такой ситуации ниже, чем риск, связанный с расширением круга людей, облеченных атомными полномочиями. Ведь в беспокойной обстановке сбои особенно вероятны не на высшем уровне, а на периферии.

«НВ». Борис Ельцин требует для России «вторую ядерную кнопку» — право контроля над атомными вооружениями на российской территории. Насколько эта идея разумна и реалистична?

Р.К. Проблема не нова. В НАТО велись дискуссии насчет двойного контроля над американским атомным оружием в Европе. Многие, в первую очередь военные, высказывались против «двойного ключа», поскольку президенту США пришлось бы потерять часы или дни на обсуждение с союзниками: применять или нет ядерные заряды. А время на войне дорого. «Атомное устрание» стало бы менее эффективным в отношении СССР. В кризисной ситуации единоличное стратегическое командование необходимо.

Но с окончанием «холодной войны» большее значение приобретают не чисто военные аспекты, а политические соображения. В случае с СССР — внутриполитические. В НАТО проблему до конца не ре-

шили, но договорились о консультациях США с союзниками — «если позволяют время и обстоятельства» — относительно использования атомного оружия. Кто-то считает это упражнением в словесности, кто-то — уступкой европейскому общественному мнению.

В новом Союзе возможно будет договориться об аналогичной процедуре консультаций между республиками. Разумеется, возникнет вопрос о роли тех республик, которые отказываются размещать у себя атомное оружие, о том, каким будет влияние «ядерных» республик. В России размещается большинство ракетно-ядерных вооружений, и ее политическому руководству сейчас принадлежит решающее слово: контроль над «ядерной кнопкой» будет переходить от центральной власти СССР к российскому президенту. Центр сегодня так слаб, что не сможет толкнуть Россию на какую-то акцию, которая ей нежелательна, сам он также не предпримет без ее согласия важных действий.

«НВ». Возможен ли компромисс: выдать и Горбачеву, и Ельцину по «чемоданчику»?

Р.К. Компромисс возможен, но с военно-технической точки зрения он не имеет смысла. Ельцин, получив право вето, сможет запретить ядерную атаку, когда Горбачев сочтет ее необходимой, и наоборот. Советский потенциал устрания станет весьма ненадежным, а сдерживание агрессии — проблематичным.

«НВ». А нельзя ли разделить проблему на две части: нанесение Советским Союзом первого обезоруживающего удара по противнику станет менее вероятным, но зато советское возмездие в случае атомного нападения на СССР останется неизбежным? В отличие от НАТО в СССР ранее уже отказались, по крайней мере на словах, от применения атомного оружия первыми. Теперь этот отказ будет закреплён технически.

Р.К. Не стоит так упрощать. Ядерное оружие слишком отличается от других вооружений. Самым эффективным способом предотвращения атомного нападения является сдерживание путем устрания. А оно требует централизованного командования. Чем больше разделена ответственность, тем меньше эффективность. Так по крайней мере было в период «холодной войны». Теперь политические отношения между США и СССР стали хорошими, и слишком высокий уровень устрания уже не столь нужен, как вчера.

Для безопасности СССР ныне важнее найти баланс между республиками и внутриполитически приемлемое решение контроля над ядерным оружием, нежели поддерживать привычно высокий уровень

Рис. Г. С. Успенский

сдерживания Соединенных Штатов.

«НВ». Республики высказываются за то, чтобы атомный арсенал был сконцентрирован в России. Возникает вопрос об обеспечении безопасности республик с помощью ядерных гарантий со стороны России. Будет ли это похоже на американский «атомный зонтик» над Японией или Западной Европой?

Р.К. Будьте осторожны в попытках перенесения западного опыта такого рода в советские условия. Американская практика распространения сферы сдерживания на неамериканскую территорию опирается как на географию, так и на историю. Скажем, в Европе американские союзники сначала почувствовали на себе советскую угрозу, а затем в силу присутствия на континенте американских войск стали объектом ядерных гарантий из-за Атлантики. Но сколько было и есть сомнений на сей счет и в Европе, и в Америке...

Не думаю, что, допустим, Украина подвергнется какому-то давлению со стороны США, которое потребует российской атомной защиты. Просто не вижу сколь-нибудь реалистичного сценария возникновения подобной ситуации. Хотя для внутриполитических целей в СССР, дабы устранить появившийся страх перед «старшим братом» — Россией, было бы неплохо снять напряжение, подтвердив, что последнюю заботит безопасность других республик, что она готова предоставить им ядерные гарантии.

«НВ». Я не считаю, что угроза — потенциальная или актуальная — исходит от США, по крайней мере сегодня. Но в мире, увы, хватает и менее крупных, но более маниакальных режимов, у которых осколки советской империи могут возбудить глотательный рефлекс. Вспомним того же Саддама Хусейна, забывшего поздравить Михаила Горбачева с провалом путча.

Р.К. Такие варианты нельзя исключать, но скорее всего ядерное утешение против подобных авантюристов не потребуется.

«НВ». Германия недавно заявила протест против размещения Францией вблизи ее границы новых ядерных ракет малой дальности и предложила, чтобы НАТО не медлила с началом переговоров о тактическом атомном оружии в Европе. А как видится будущее тактических систем в СССР, ведь из России ими не обстрелять, скажем, территорию НАТО?

Р.К. Да, французам не резон палить по немцам, а русским — по украинцам. Вообще размещать в европейской части России тактическое оружие абсурдно. Интересы обороны требуют иметь его скорее на западной границе Украины (хотя в Европе у СССР врагов нет), а не на русско-украинской границе. Но то,

что логично с военной точки зрения, теперь невозможно по внутриполитическим соображениям: Украина заявляет о желании приобрести безядерный статус.

Поэтому пора вспомнить предлагавшийся несколько лет назад вариант «третьего нуля», то есть полного устранения из Европы не только ракет средней и малой дальности, но и тактических. Тогда не было, по крайней мере с западной стороны (вспомним хотя бы яростное сопротивление Маргарет Тэтчер), политической воли для такого решения. Сегодня можно и нужно добиться «третьего нуля».

«НВ». А вдруг республики передумают и захотят заполучить «немножко» атомного оружия — те же тактические ракеты и артсистемы?

Р.К. Такой исход был бы наихудшим. Жутко даже представить себе появление новых государств, никогда не проводивших и не имевших собственной внешней политики, но заполучивших бомбу. Весь процесс нераспространения атомного оружия полетел бы под откос, а вместе с ним и мировая стабильность.

На переходный период, каким бы ни стал Союз или его обломки в будущем, лучше сосредоточить все атомное оружие в России. Отказавшись от обладания им, республики не должны остаться лицом к лицу с всеильной ядерной Россией, чей лидер, к сожалению, устами своего помощника успел уже обронить фразу о возможности пересмотра границ. Напротив, им следует дать взамен право участия в контроле над ракетно-ядерным наследством Союза, хотя бы в форме консультаций, о которых мы говорили выше.

Западу, в первую очередь США, было неправильно отсидиваться, выжидая результатов недавно заключенного соглашения о сокращении стратегических вооружений и исхода брожения в СССР. Логичнее немедленно начать переговоры о более серьезном уменьшении ядерных потенциалов СССР и США.

«НВ». Пойдут ли США на это? Остаться единственной сверхдержавой всегда было их мечтой.

Р.К. Ельцин и Горбачев обязаны немедленно оказать на Вашингтон соответствующее давление, а аршинные заголовки американских газет типа «Советские ракеты под контролем путчистов» помогут вразумить Белый дом. Экспертам ясно, что теперь нет ни сомнений, ни препятствий для решительного сокращения ядерных вооружений. Кстати, оно требует наличия центральных союзных структур в военной и внешнеполитической областях. Иначе, создав огромный стратегический потенциал, республики совершат ошибку, если не преступление, отказавшись совместно решать его судьбу.

СТОКГОЛЬМ

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

● Фирма «ЧУДО-АБИТУРИЕНТ» предлагает **ОРИГИНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ В ВУЗ ЗА 20 ЗАНЯТИЙ** по любому предмету:

- математике
 - литературе
 - ин. языку
 - русскому языку
 - географии
 - истории
 - биологии
 - химии
 - физике
 - информатике
 - основам государства и права
- Телефон 405-84-50 (г. Москва) — автоответчик, с 8.00 до 18.00

● Провести инвентаризацию вентвыбросов, разработать проект норм ПДВ, ПДС, составить экологический паспорт предприятия, произвести наладку систем вентиляции и КВ, разработать рекомендации по эффективной работе вентиляции и ПГУУ Вам поможет ГМП «ПРИРОДА», используя новейшие методики и современное оборудование, тел. в Москве 227-38-26.

● Государственный концерн «Биопрепарат» (BIOPREKS), крупнейший научно-производственный комплекс в СССР, разрабатывает и производит конкурентоспособные биопрепараты для сельского хозяйства и промышленности, медицинские диагностические и лечебно-профилактические препараты, химико-фармацевтические препараты, технологическое оборудование и приборы для исследований и контроля, медицинские изделия и системы однократного применения.

«Биопрепарат» (BIOPREKS) приглашает партнеров для создания совместных производств. Наш адрес: 109033, Москва, ул. Самокатная, 4А, тел. (095) 362-24-40, факс (095) 362 15 26, телекс 411700 РТВ SU BOX 008239 факс (095) 292 65 11 BOX 008239

● В кооперативе «КОЛИЗ» при старейшем офтальмологическом центре России — НИИ глазных болезней им. Гельмгольца опытные врачи в кратчайшие сроки подберут Вам мягкие и жесткие контактные линзы серийного или индивидуального производства. Наш адрес: 105023, Москва, ул. Суворовская, д.35. Тел. 963-92-79

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Чем выше забор, тем лучше сосед

Израильтяне не доверяют палестинцам, но 74 процента из них — за мирные переговоры с арабскими соседями

Гая Голан

Нельзя сказать, что большинство населения Израиля с оптимизмом смотрит на перспективы мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

Война в Персидском заливе усилила чувство незащитности среди израильтян, ежедневные атаки иракских «Скадов» продемонстрировали уязвимость страны. По существу, они укрепили ту психологическую установку, которая возникла с началом интифады и сопровождавшимися ее ежедневными актами насилия. Люди устали и мечтают о мире и спокойствии.

Заинтересованность в мирном урегулировании среди израильтян растет. Но происходит это не от того, что они стали лучше понимать палестинцев или убедились в правоте их дела. Напротив, враждебность по отношению к палестинцам лишь углубилась вследствие их поддержки Саддама Хусейна во время войны. Поддержка, которую Организация освобождения Палестины оказала иракскому агрессору, была расценена в Израиле как проявление стремления ООП уничтожить Израиль. Еще раз подтвердилась неискренность заявлений ООП о признании резолюции Совета Безопасности ООН №242 в 1988 году и права Израиля на существование.

Стремление израильтян к миру обусловлено и необходимостью найти более достойное применение ограниченным ресурсам национальной экономики, заменить тяжкое бремя расходов на оборону вложениями в назревшую программу жилищного строительства и создания рабочих мест для сотен тысяч новых иммигрантов и людей, давно здесь живущих.

Такие настроения распространены даже среди избирателей, поддерживающих правое крыло, сторонников партии Ликуд. Недавно ряд мэров от этой партии призвали к переговорам с ООП и даже к рас-

смотрению вопроса палестинской государственности.

Опросы общественного мнения в Израиле иллюстрируют тенденцию последних нескольких лет: взгляды становятся умеренными. Несмотря на атаки «Скадов», подавляющее большинство, около 74 процентов опрошенных израильтян, предпочли мирные переговоры наращиванию военной мощи, с тем чтобы предотвратить военные действия в будущем. Существенный рост даже по сравнению с 68 процентами, высказавшими подобное предпочтение в 1987 году. Около двух третей высказалось тогда за переговоры при поддержке Соединенных Штатов и СССР, а одна треть даже одобрила идею международных переговоров под эгидой ООН. Опросом не было охвачено около 19 процентов населения Израиля, то есть израильские арабы (за вычетом проживающих на оккупированных территориях) и члены кибуцев, огромное большинство которых, скорее всего, поддерживало бы умеренные позиции.

Наиболее существенным, однако, был поразительный рост (с 26 до 34 процентов) в 1991 году числа сторонников создания палестинского государства.

Только 12 процентов высказались за сохранение нынешней ситуации, в то время как немногим более

трети (36 процентов) поддержали аннексию в той или иной форме, в противоположность 52 процентам предпочитавших диапазон решений от автономии до создания независимого палестинского государства.

Хотя большинство все еще возражает против возвращения Сирии любой части Голанских высот, примечательно, что число противников возвращения снизилось. При этом на четыре процента увеличилось количество сторонников компромисса по вопросу о Голанских высотах, а ведь это важнейший для Израиля вопрос безопасности и водоснабжения. Для большинства израильтян безопасность — основной фактор, определяющий их позицию, и потому создание гарантированной «территории безопасности» — вполне приемлемое предложение.

Каков бы ни был конкретный исход намеченных на октябрь арабо-израильских мирных переговоров, ясно и неизменно одно: народ Израиля готов к ним. Он хочет, чтобы начался процесс урегулирования конфликта, предпочитая компромисс крайнему национализму. Если израильтяне поверят, как это было после исторического визита Анвара Садата в Иерусалим, в реальную возможность согласия с арабами, а именно с Сирией и Палестиной, можно будет рассчитывать на поддержку ими этого шага. Можно быть уверенным в том, что они переведут это намерение на язык политической воли и даже пойдут на известные жертвы, как в случае мирного договора с Египтом.

Из этого вовсе не следует вывод, что среди израильтян исчезло недоверие к арабским соседям и палестинцам. Однако мирные договоры строятся не на доверии. Они строятся на реализме и на взаимной заинтересованности.

Голанские высоты: израильский солдат наблюдает за Сирией. До демилитаризованного статуса пока далеко
Фото Франс пресс

Гая ГОЛАН, профессор Еврейского университета Иерусалима, официальный представитель сионистского движения «Мир — сегодня».

«Русские горки»

Тот самый Белый дом, который сталинисты обвиняли и продолжают обвинять в развале СССР, стремится остудить горячку бегства республик из бывшего Союза

Джордж Буш в перерывах между игрой в гольф и рыбной ловлей с моторной лодки в Кеннебанк-Порте в самом северном штате Атлантического побережья принимал важнейшие для наших судеб решения и проводил пресс-конференции в зеленом дворике своего наследственного загородного дома. На последней из них глава Белого дома объявил о признании независимости прибалтийских государств, назвал «водоразделом» в советской политике договоренность «10+1» о новом сообществе суверенных республик и поддержку Горбачевым их права самим определять свою судьбу.

Американцы недолго увивались торжеством демократии и свободы в бывшем бастионе тоталитарного коммунизма. Они сразу же приступили к делу, к анализу последствий этой победы для нашей страны и международной политики. Здесь считают, что древо демократии всегда хрупко и постоянно нуждается в тщательном уходе — и в самой Америке, и на мировой арене.

«Югославизация» СССР?

Крушение последней империи вызывает у американцев, как и у нас, вполне понятное ощущение удовлетворения по поводу этого громадного поворота в истории человечества (историки считают первой мировой империей Ассирийскую, сформировавшуюся в девятом-восьмом веке до нашей эры; и вот спустя три тысячи лет эра империй бесславно завершилась).

Но подавляющее большинство американских политических и общественных деятелей, бизнесменов и специалистов полагают, что крушение империи — еще не повод для немедленного отхода республик от бывшего Союза и выхода в самостоятельное свободное плавание в бурный океан мировой экономики и политики. По их мнению, для относительно нормального перехода не только к рынку, но и к подлинно демократическому обществу и даже к обретению в конечном счете полной самостоятельности сейчас крайне необходима какая-то форма объединения большинства бывших союзных республик, в первую очередь таких, как Россия, Украина, Казахстан и Белоруссия.

Американцев беспокоит угроза «балканизации» или, вернее, «югославизации» бывшего Советского Союза, всплески конфликтов, связанных с территориальными и межнациональными конфликтами. Перспектива хаоса в огромной стране, напичканной ядерным оружием, превращается в новый кошмар мировой политики. Захват путчистами президентского «черного чемоданчика» с ключами для запуска ядерных ракет усугубил беспокойство по поводу советского ядерного оружия, хотя Джордж Буш заверил, что все, связанное с этим оружием, находится под пристальным вниманием администрации и пока оснований для тревоги нет.

С огромным облегчением и надеждой в Америке восприняли соглашение «10+1» о новом сообществе государств Союза, «последнее ура» съезда народных депутатов СССР, одобренных создание новых союзных структур, которые позволяют сохранить общую военную и внешнюю политику, и решение о том, что ядерное оружие останется под контролем этих структур.

Самое радикальное решение, похоже, нашел сенатор Дэниэл Мойнихэн. Он предложил новый вариант «великой сделки» — солидную помощь Советскому Союзу в обмен на уничтожение всего или большей части нашего ядерного оружия. Может, в этом и есть резон: не пришлось бы потом нам искать покупателей на боеголовки, как сейчас мы ищем на ракетносители и другую космическую технику.

На мой взгляд, если отбросить чрезмерную сдержанность в вопросах оказания экономической помощи Советскому Союзу, особенно до победы революции, Джордж Буш и такие люди из его команды, как государственный секретарь США Джеймс Бейкер и помощник президента по национальной безопасности Брент Скоукрофт, сейчас проводят наиболее дальновидную и взвешенную политику в отношении нашей страны — в свете дезинтеграционных процессов в Союзе. Это объясняется несколькими факторами: пониманием огромной ответственности Соединенных Штатов за судьбы мира и колоссальных последствий для этих судеб происходящих в нашей стране событий, возможностью Америки с ее географической и исторической удаленностью от России и других республик спокойно, не торопясь просчитывать и взвешивать варианты. Наконец, далеко не последнюю роль имеет громадный внешнеполитический опыт и уравновешенный характер президента. Он постоянно напоминает об особой ответственности Соединенных Штатов и предостерегает от рассчитанных на дешевый эффект шагов.

Белый дом дал советскому парламенту возможность (которой он, к сожалению, не воспользовался) признать независимость прибалтийских государств до Вашингтона. Задержка этого шага, ссылки на разного рода технические вопросы, которые нужно решить, для того чтобы соответствовать критериям самостоятельного государства, использовались — и американцы это не скрывают, — чтобы не подать «неверного сигнала» другим республикам и развеять у них надежды на скорое признание их провозглашенной независимости. И даже сделав такой шаг в отношении прибалтийских государств, Вашингтон подчеркнул: это — особый случай, США ведь никогда не соглашались с аннексией Прибалтики; другие республики на такой же подход рассчитывать не могут.

Короче говоря, тот самый Белый дом, который сталинисты обвиняли и, возможно, продолжают обвинять в развале Союза, стремится остудить горячку безоглядных побегов из бывшего Союза или как минимум не подогревать страсти. Конечно, могут найтись люди, которые скажут, что Вашингтон просто действует в соответствии с теорией «падающего яблока»: оно падает само, и нет нужды тратить усилия на уско-

рение его падения. Но, думаю, Белый дом руководствуется куда более сложными геополитическими и даже нравственными расчетами, чем примитивным желанием добить поверженного бывшего врага. Перед Америкой помимо всех опасений последствий хаоса в нашей стране стоит проблема принципиального характера: где больше шансов на выживание и развитие демократии — в добровольном сообществе республик или в отдельных независимых государствах бывшего Советского Союза. Пример Грузии и ее лидера Гамсахурдиа не прибавил ей уверенности во втором варианте.

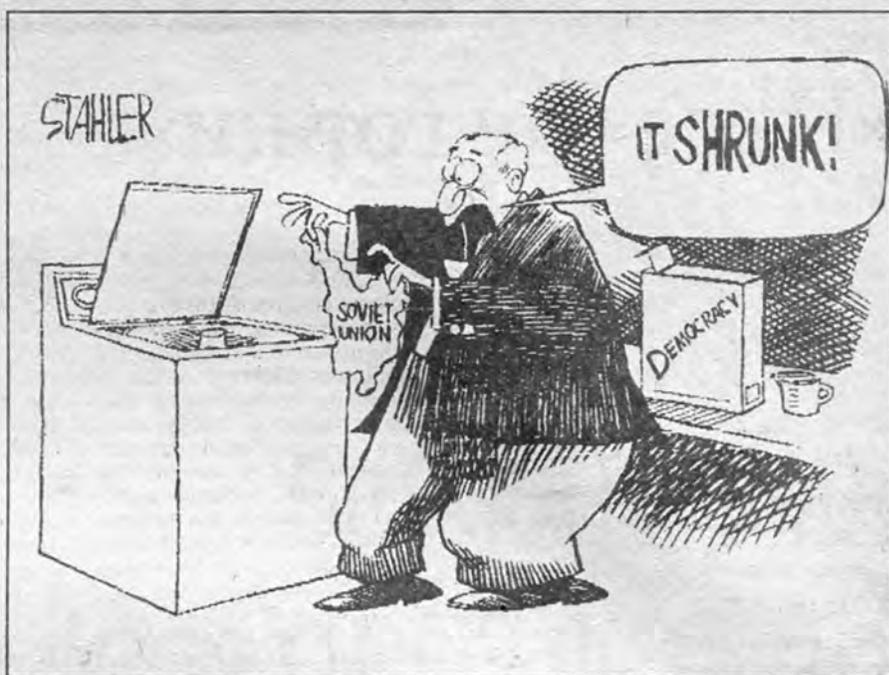
Чувство политики и политика чувств

Тревога за будущее нашей страны на глазах привела к изменению настроений в отношении Бориса Ельцина и Михаила Горбачева. Ко всеобщему восхищению мужеством и решительностью российского вождя, являющегося для американцев героем не меньшего масштаба, чем победитель «Бури в пустыне» генерал Шварцкопф, добавилось разочарование несколько легковесным, по их мнению, отношением Ельцина к принципам правового государства и недостатком политического такта, подлившим масла в и без того раскаленные «пучки страсти и страха республик». Сначала в частных разговорах, а потом и в печати появились критические нотки. «Демократ или автократ?» — так озаглавила свою редакционную статью «Нью-Йорк таймс». Правда, после выступления Ельцина на Съезде народных депутатов его акции здесь вновь повысились.

Мои попытки объяснить американцам шероховатости в поведении Горбачева и Ельцина в первые дни после провала переворота их вполне понятным психологическим состоянием — при всем различии их опыта трех роковых дней — не находили отклика: политик есть политик, и он должен вести себя соответственно при любых обстоятельствах.

По мере развития событий взоры американцев все чаще обращаются к советскому президенту как к человеку, способному, по их мнению, в силу политической гибкости сыграть ведущую роль в спасении Союза от окончательного развала. «Итоги съезда народных депутатов здесь рассматривают как серьезный успех советского президента, вновь проявившего себя мастером политического компромисса и сумевшего объединить независимые республики в критический момент, когда они уже могли разбежаться надолго, если не навсегда».

Возвратившийся из нашей страны посол США Роберт Страус в присутствии дипломатов формы сделал упор на то, что Горбачев и Ельцин тесно сотрудничают. Глава Белого дома продолжает в рамках возможного поддерживать и выказывать всяческие знаки внимания советскому пре-

После стирки в порошке «Демократия»: «Он уменьшился в размерах!»

Рисунок из газеты «Цинциннати пост»

зиденту. Дело не в каких-то особых личных пристрастиях Буша, в чем его обвиняют здесь самые ярые консерваторы и либералы, а в трезвом политическом расчете. При всей искренности добрых чувств семьи Бушей к чете Горбачевых они играют важную, но не главную роль.

Кому и сколько бросить в кружку

Буквально с каждым днем в Америке нарастают настроения в пользу увеличения помощи нашей стране. В них отражаются и огромные симпатии к победившей демократии, и уверенность, что теперь наконец начнется ускорение перехода к рынку, и опасения того, что в случае углубления хозяйственной разрухи козлами отпущения станут реформисты и возникнет угроза новой реакционной диктатуры.

Но развал Союза еще больше обострил спор, кому и как помогать и вообще излечим ли «больной» в его нынешнем расчлененном состоянии.

— Четверть века своей жизни я посвятила изучению советской экономики, и я не представляю, как в одиночку республики могут справиться с разлившимся по ним морем обесцененных денег, — сказала мне профессор Колумбийского университета Падма Десаи. — Ясно, что стабилизировать финансовое положение страны можно только путем проведения единой жесткой кредитно-финансовой политики и сохранения единой валюты. Меня пугает наивность республиканских лидеров в вопросах экономики и финансов.

— А как быть с помощью Запада? — продолжала Десаи. — Одно дело — гуманитарное безвозмездное предоставление продовольствия: его можно распределить по республикам

и регионам. Но как помогать в переходе к конвертируемому рублю, кому давать кредиты и кому их придется возвращать? Отдельным республикам? Но одна или несколько из них могут, накачивая денежную массу для финансирования своего разбухшего дефицита, подорвать любые попытки других республик стабилизировать их финансовое положение.

Влиятельные конгрессмены-демократы — лидер большинства в палате представителей Ричард Гепхардт, Лес Эспин и сенатор Джон Дэнфорт — предложили создать фонд безвозмездной помощи Союзу за счет... бюджета Пентагона. Эспин даже назвал его возможную величину — один миллиард долларов. Буш, похвалив законодателя за творческий подход, не поддержал эту идею.

Белый дом заявил, что не оставит нас в беде, но речь не может идти о дармовых денежных чеках. На встрече Буша с Джоном Мейджором непосредственно перед поездкой британского премьера в Москву было решено оказать помощь продовольствием и медикаментами.

Более широкая помощь предусматривается при условии радикальных и конкретных шагов по переходу к рынку и сокращению непомерных для нашей полунищей страны военных расходов.

При этом Вашингтон четко и ясно заявил: любые формы помощи, кроме гуманитарной и технической, могут быть предоставлены только тогда, когда станет более или менее ясно, что именно возникнет на обломках бывшего Союза. «Пусть сначала сами разберутся» — таков лейтмотив заявления Буша на эту тему.

Евгений Русаков,
собр. корр. «Нового времени»
НЬЮ-ИОРК

Место в истории для генерала Ярузельского

Войцех

Ярузельский, без сомнения, уже вошел в историю XX века. Но несомненно и то, что разные истории оценят его по-разному.

Одни — как «европейского Пиночета». Другие — как спасителя нации от братоубийственной бойни.

Третьи — как разумного политика, открывшего путь к диалогу с оппозицией и общественному согласию.

Найдутся и те, кто свяжет с его именем поражение социализма, обвиняя в нерешительности, в недостаточной твердости в борьбе с классовыми врагами.

С генералом **Войцехом ЯРУЗЕЛЬСКИМ** беседует
собкор «Нового времени»
Рудольф БОРЕЦКИЙ

Три с лишним года назад мы с Виталием Игнатенко, тогда главным редактором «Нового времени», были приняты Войцехом Ярузельским, главой партии и правительства Народной Польши, отчет об этой встрече был напечатан. И вот сейчас, приехав в новую Польшу, я все время возвращался к мысли о новой встрече с ним. Все оказалось удивительно просто, без особых журналистских ухищрений. Звонок. Просьба о встрече. И — после короткой паузы: «Завтра, если вам удобно, к 12.00 жду вас».

Тихая улочка Икара, всего-то десяток домов, укрытых пышной зеленью, замысловато изогнулась, спрятавшись в самом центре Варшавы. Двухэтажный скромный особняк за сетчатым забором. Рядок голубоватых «кремлевских» елочек у фасада. Крепкий молодец, как понял, из охраны, проводит в гостиную. Ничуть не изменившийся, все такой же по-военному стройный, в легком элегантном костюме, генерал приглашает к душистому кофе. Пара вежливых слов и — начинаем беседу.

Позволю себе еще одно отступление. При всей спонтанности (собеседник мой не знал ни вопросов, ни даже предмета разговора) и беспристрастности такого жанра, как интервью, у спрашивающего не может не возникнуть свой, субъективный образ того, кто сидит напротив. Так было и на сей раз: чем дальше углублялись мы в жизненные перипетии, тем отчетливее предстал передо мной человек глубоко интеллигентный, критически мыслящий и на редкость деликатный. Попытался, быть может неуклюже, объяснить ему, что теперь-то понимаю, почему он, уходя в декабре 1990-го с поста президента, вернул себе симпатии соотечественников, выйдя вдруг на одно из первых мест по шкале популярности политических деятелей... Но генерал как-то неопределенно пожал плечами и сдержанно вернул меня, как он сказал, «к делу».

«Новое время». После нашей предыдущей встречи в 1988 году «Новое время» опубликовало интервью с вами, в центре которого стоял вопрос о возможности реформирования социализма. Полгода оставалось до «круглого стола», год — до смены политической власти. Ваш утвердительный ответ был выражением веры или необходимости идти до конца?

Войцех Ярузельский. Я выразил свое убеждение, которое разделяю и сегодня. Оно может выглядеть парадоксально в свете происходящих и уже свершившихся перемен. Но если серьезно вдуматься, то следует прежде ответить на вопрос, что есть

социализм. Если понимать его как верность определенным фундаментальным ценностям, таким, как социальная справедливость, равные условия жизненного старта для всех граждан, свобода личности, эффективность общественного производства, требующая, правда, иных механизмов, чем применявшиеся до сих пор в так называемом «реальном социализме»...

«НВ». Вы говорите о некоем идеальном социализме, которого мы не знали...

В.Я. ...Но это не значит, что не следовало стремиться идеальную модель реализовать. Одно дело — вера в высшие ценности, другое — наша готовность и способность в конкретных исторических обстоятельствах, на уровне нашего сегодняшнего мышления и опыта воплотить эти ценности в жизнь. Я по-прежнему придерживаюсь взгляда, что общественный строй, опирающийся на названные нравственные нормы, отбросивший балласт прежних искажений и ошибок, использующий лучшие достижения иных социальных систем, мог бы функционировать. Мог бы... если бы доставало смелости и гибкости, желания и умения вовремя отказываться от устаревших догм. Часто ссылались на Маркса, а забывали один из его важнейших принципов — все подвергать сомнению.

В свое время мы, например, отвергали теорию конвергенции как сугубо буржуазную попытку затушевать противоположность между социализмом и капитализмом. Не стану углубляться в философский вопрос, скажу только, что вполне разумно и, я думаю, осуществимо, сохраняя основополагающие социалистические ценности, ввести в этот строй такие политические, социальные и экономические механизмы, которые сделали бы его и демократичным, и эффективным. Разве парламентская демократия противоречит идеям социализма? Разве рыночная экономика противоречит идеям социализма? Единственный дискуссионный момент — вопрос о собственности. Мы здесь были, по-моему, излишними доктринерами (хотя в Польше частный сектор всегда присутствовал, а в сельском хозяйстве даже доминировал). Но и фетишизировать частную собственность не следует. Гораздо важнее создать равные возможности для всех форм собственности, и пусть они в конкурентной борьбе доказывают свою жизнеспособность... Самый сильный удар по социализму, я считаю, нанес тупой, чиновничий подход к его строительству.

«НВ». Вы верите в идеалы социализма несмотря на то, что «первая страна победившего социализма» принесла немало горя вашим близким и вам лично (депортация в Си-

бирь, принудительные работы на лесозаготовках...).

В.Я. Сначала вспомним, что идеалы социализма родились на берегах не Волги и Амура, а Рейна и Темзы. И все, что в этих идеалах гуманно, прогрессивно, что отвечает известным мечтам человека, остается в силе. Много людей, по происхождению и образу жизни весьма далеких от социалистической идеи, в какой-то момент включались в революционный процесс на стороне, противостоящей их прежнему образу жизни и их происхождению. Я — не исключение, а один из примеров такого жизненного выбора...

«НВ». Я не столько имею в виду привлекательность социалистической идеи — это еще можно понять, сколько трагическую судьбу ваших родителей и лично ваш горький опыт при первой же встрече с родиной этого самого социализма...

В.Я. Все зависит от того, способен ли человек подняться над личными обидами и страданиями. Я вовсе не хочу показаться неким героем, воспарившим над своим прошлым и перечеркнувшим горечь и боль пережитого. От недуга ненависти меня излечил сам русский народ. Я ведь испытывал на себе не только патологию системы, но и сочувственное, доброе отношение к нам, спецпереселенцам, простых русских, советских людей...

«НВ». Откуда и куда вас «спецпереселяли»?

В.Я. Меня с матерью и сестрой вывезли из Литвы в Алтайский край. Отца тогда же арестовали и отправили в лагерь, в Красноярский край. После подписания соглашения Сталина с генералом Сикорским отца освободили, он разыскал нас на Алтае. Через несколько месяцев его не стало — умер от истощения. Отец был мужчиной сильным, могучего телосложения, а когда вернулся, в нем чуть больше 40 килограммов было... Мать с младшей сестрой в 1946 году вернулась в Польшу.

«НВ». И тем не менее вы пошли сражаться плечом к плечу вместе с теми самыми «русскими», которые столько горя принесли вашей семье...

В.Я. Как в жизни каждого, и в моей было немало случайностей. Если бы мы не бежали от немцев в Литву, если бы не были вывезены в Сибирь, то, оставаясь в Польше, я бы, несомненно, оказался в Сопротивлении, стал бы аковцем (АК — Армия Крайова — части организованного польского Сопротивления, подчинявшиеся эмигрантскому правительству в Лондоне. — Р.Б.) и, возможно, разделил бы их дальнейшую участь.

«НВ». То есть попросту очутились бы после войны уже в польских лагерях, что создавались не без нашего участия?

В.Я. Видимо, да. Так бы и было. Но случай распорядился также, чтобы я не попал и в армию генерала Андерса, которая потом воевала на южном фланге союзников — в Африке, в Италии. Когда она формировалась в СССР, мы были в глухой тайге. Вести до нас не доходили, а о ней и подавно. Когда же мы добрались до Бийска, армия Андерса уже была накануне выхода из Советского Союза через южные границы. Доступ туда оказался для меня практически закрыт. Оставалась одна возможность — армия Берлинга. Вступил я в нее совершенно сознательно, как поляк, которому дана была возможность воевать с немцами. То было естественное движение души, я не задумывался, можем ли мы сражаться рядом с русскими, самое важное для меня было — против кого.

Взгляды мои формировались тогда стихийно и в большой степени под влиянием событий и людей, близко меня окружавших. И еще были книги. Всякий раз, когда мы возвращались с таежного лесоповала, я брал в местной библиотеке книги и учился языку. Учился понимать русскую литературу, великую литературу. Схватывал сначала каждое пятое слово, потом каждое третье, потом ощутил — читаю свободно. Бывало, читал ночи напролет, при копилке (от этого тоже с глазами становилось хуже). Со временем стал входить в атмосферу того, что называют «тайной русской души», стал лучше понимать обычаи, нравы, культуру окружавших меня людей. Конечно, было голодно и холодно, было тяжело морально, но были и переживания, согревавшие сердце...

Потом — офицерское пехотное училище в Рязани, действующая армия, фронт. Рядом со мной жили, воевали, гибли советские офицеры и солдаты. Их судьба становилась и моей судьбой. Прошрое не забывалось, но словно бы размывались его прежде черно-белые контуры.

«НВ». Расскажите немного подробнее о ваших семейных корнях. Быть может, какие-то эпизоды из прошлого, семейные традиции сыграли роль в формировании вашей личности?

В.Я. Здесь, пожалуй, трудно будет найти какие-либо прямые связи... Мой дед, тоже Войцех, был участником восстания 1863 года против царской России. Избежал смертной казни после подавления восстания только потому, что был слишком молод. Его сослали на 12 лет в Сибирь. Отбывал срок где-то около Шадринска. Освободили его через 8 лет по амнистии. Дед по матери в 1920-м, при наступлении Красной Армии на Варшаву, едва избежал виселицы. Отец, в том же 20-м, пошел добровольно сражаться с большевиками. Так что в семье

1939 год. Люфтваффе над Варшавой

антирусские, а позже антибольшевистские настроения имели под собой почву достаточно крепкую. Школьное воспитание, литература межвоенного времени тоже «работали» в этом направлении. С левицей у меня не было никаких контактов. В общем, в семье господствовала атмосфера набожно-патриотическая. На учение отдали меня в марианскую католическую гимназию, что было вполне логично.

Моя первая встреча с Россией, как понимаете, тоже не принесла ничего хорошего. И тем не менее непосредственные впечатления мои не совпадали с теми демоническими образами «русских», «большевиков», которыми я был напичкан с детства. Может быть, интуитивно, но я угадывал, ощущал пропасть между жестокостью режима и душевной отзывчивостью людей в вашей стране. Видел, что по правилу «я — начальник, ты — дурак, ты — начальник, я — дурак» живут власть предержащие, но не те работяги, что вместе со мной вкалывали до седьмого пота и голодали. Я научился не отождествлять патологию власти с национальным характером, с простым человеком.

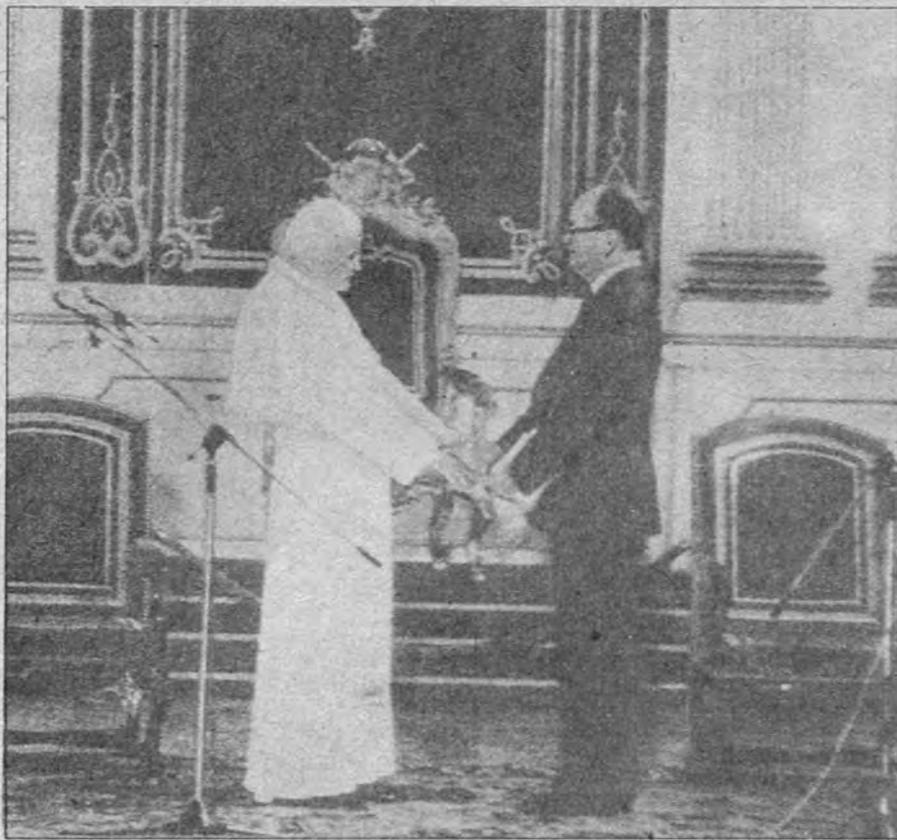
...Вырос я в дворянской среде, где достаток и благополучие принимались как естественный порядок вещей. Но благодаря семейному воспитанию, особенно благотворному влиянию матери, во мне рано проснулось сочувствие к обездоленным. Восприимчивость к чужой беде подкрепилась и ранним знакомством с творчеством Конопницкой, Пруса, Сенкевича. Конечно, в такой готовности помочь было больше простого человеческого сострадания, чем понимания социальной несправедливости. Гораздо позднее, когда я оказался уже в России, пришло и осознание того, что «естественный порядок вещей», то есть имущественное и социальное неравенство людей, вовсе не изначально им уго-

товано и может быть изменено, исправлено. Конечно, ничего привлекательного не было в том, что все мы в тайге были равно бедны и голодны. Но с моральной точки зрения мне такое «равенство» казалось более справедливым, чем те контрасты, которые я видел до войны у себя на родине. Я даже не столько о материальных контрастах говорю, сколько об унижительном социальном статусе неимущего человека, о его психологической угнетенности, о его вечном ощущении себя человеком второго сорта. Возможно, демократизм мой никогда бы и не пошел дальше просто гуманного движения души, не попади я в экстремальные обстоятельства на чужбине. В годы войны подростки быстро взрослели и самоопределялись. Происхождение, как это случилось со мной, могло вполне вступить в конфликт с миропониманием...

«НВ». Итак, вы закончили войну молодым, 22-летним офицером победоносной армии. Вскоре стали членом Польской рабочей партии, иначе говоря, коммунистом, что было нормальным и даже обязательным для каждого, кто занимал сколько-нибудь заметное положение в новой Польше. Изменилось ли ваше отношение к партии коммунистов на протяжении последующих 40 лет?

В.Я. Я вступил в партию в июне 1947 года, будучи слушателем центра усовершенствования офицерских кадров — Высшей пехотной школы. Сразу после войны я, как и многие мои соратники по Войску Польскому, участвовал в операциях против формирования украинских националистов и вооруженных групп польского подполья на юго-востоке страны.

Высшая пехотная школа стала новым этапом моего политического образования, более рационального и систематизированного. Преподавание тогда велось на достаточно высоком профессиональном и интеллектуальном уровне. Ситуация в польской общественной жизни 1945–1948 годов этому благоприятствовала. В первые послевоенные годы Польша еще искала собственный путь к социализму, что позже дорого обошлось руководству партии во главе с Гомулкой и закончилось, как известно, разгромом так называемого «правонационалистического уклона». А в 1947 году политическая обстановка, общественный климат в стране были еще относительно демократичны. Показательно хотя бы то, что в нашем учебном заведении преподавали и советские специалисты, и польские. И вот среди этих последних было много кадровых военных, служивших в армии еще до 1939 года. Я с равным признанием вспоминаю как своих советских наставников — полковников Литвинова, Дмитриева,

1988 год. Встреча двух участников Сопrotивления, двух поляков. Воицеха Ярузельского и папы Иоанна Павла II

Лобачева, полковников, поляков по происхождению, Шматовича и Рукевича, так и своих учителей-соотечественников, которых было большинство. Возглавлял школу генерал Ольбрыхт; он еще до войны, в старой польской армии получил это звание. После него школой руководил генерал Флорианович, довоенный полковник. Говорю об этом потому, что те люди стремились передавать нам не только профессионализм и широту военных знаний, но и высокую культуру, свойственную лучшим представителям старого офицерства.

И какой же громадной трагической ошибкой было устранение их из активной жизни, а в отношении иных — и прямые репрессии! Я вспоминаю командира полка, в котором служил сразу после войны. До 1939 года он был подполковником. Это был не только знаток военного ремесла, но и сторонник новой, народной Польши. Его никак не назовешь «попутчиком». Он, как настоящий патриот, действительно верил, что новый социальный порядок будет лучше, справедливее того, которому служил в довоенной Польше. Конечно, в сознании и судьбе таких, как он, немалую роль сыграл и трагический опыт сентябрьского поражения 1939 года, оцененного большинством как банкротство санационного режима. К слову сказать, этот поначалу слишком суровый приговор довоенной Польше мы смягчили уже много лет назад, но сегодня он подлежит полному пере-

смотру. Что ж, думаю, и модное нынче тотальное отрицание всего послевоенного развития страны тоже дождется более трезвого, взвешенного подхода...

Так вот, наши старшие товарищи, поляки и русские, вооружали нас, фронтовиков, необходимыми знаниями. А что касалось идеологического воспитания, то оно ничего общего не имело с однолинейным инструкторством, столь характерным для последующих десятилетий. Это было еще время бурных политических дискуссий. И у нас в школе был такой дискуссионный форум, где собирались для свободного диалога и слушатели, и преподаватели. И мы еще не делились на тех, кто служил в буржуазной Польше, кто сражался в Армии Крайовой, а кто прибыл из Советского Союза. Нас объединял принцип «кто не против нас, тот с нами».

Очень важно, считаю, и то, что отношения новой власти с церковью складывались тогда более-менее нормально. Руководство страны иногда даже демонстративно подчеркивало значение и роль Костела.

Все стало меняться на переломе 1948—1949 годов. Политика в отношении религии ужесточилась, что отталкивало большую часть верующих от власти. В первые послевоенные годы, хотя накал политической борьбы не ослабевал, каждая из партий лишалась права самостоятельного голоса и окончательно возобладала доктрина «ру-

ководящей роли». В торговле, в среднем и мелком производстве, в сельском хозяйстве начала подавляться инициативность. Если бы мы последовательно пошли дорогой, избранной после победы, признавая действительную многопартийность в политике, многоукладность в экономике, свободу вероисповедания и так далее, мы бы могли построить тот самый социализм, понимаемый как более человечный и справедливый строй, который и мечтали создать на руинах рухнувшего довоенного режима.

Ведь тогда, в 1945—1948 годах, не только коммунисты ратовали за коренные социальные преобразования. Многие политические деятели, весьма далекие от коммунистических взглядов, также осуждали предвоенное руководство и за сохранение закостенелой полуфеодалной структуры общества, и за неспособность предотвратить военную катастрофу, и за сомнительную внешнюю политику...

Да и Запад тогда выглядел иначе, чем теперь. Там сильны были симпатии к Советскому Союзу, и не только у рабочих, но и среди известных представителей науки и культуры. Весьма авторитетны были коммунистические партии. Запад не мог служить для нас образцом, компрометируя себя колониальной политикой, ведя захватнические войны. Внутренняя стабильность в странах капитала часто нарушалась крупными социальными волнениями. Все это как бы укрепляло нас в правдивости сделанного выбора.

И позднее, уже в годы возникавших сомнений, были всплески, у кого-то поддерживавшие, а у кого-то и воскрешавшие ту веру: и первый советский спутник, и полет Гагарина в космос, и другие успехи давали ощущение прогрессивности, превосходства социализма. Да и темпы роста промышленного производства у нас были выше... Раз мы смогли за считанные годы поднять Польшу из развалин, создать промышленные гиганты, освоить западные земли, то зачем нам равняться на капиталистические страны? Мы покончили с социальным неравенством, мы объявили войну массовой неграмотности, мы открыли доступ к высшему образованию детям из беднейших слоев. Эти аргументы убеждали, что мы идем правильным путем, осуществляем прорыв в мировую цивилизацию. Естественным поэтому было для меня и вступление в ту партию, которая шла в авангарде всех этих перемен, достойных уважения и поддержки. Характерная черта того времени: в комиссию, которая принимала меня в партию, входили коммунист с предвоенным подпольным стажем, кадровый офицер старой армии и мой ровесник...

(Окончание следует)

ВАРШАВА

ОНИ НЕ ВЫШЛИ

Подписи членов

Курочкин

[Handwritten signature]

[Handwritten signature]

[Handwritten signature]

И С Ы В А Л И

НОВОЕ
ВРЕМЯ

ГКЧП СССР

de z r l y

е и н о в

[Handwritten signature]

Для армии, КГБ, КПСС «НВ» был запретным чтением. Мы предупреждали гэкачепистов персонально — они не услышали наших предупреждений. Мы требовали отставки председателя КГБ за два месяца до того, как он арестовал Президента страны. Они совершили фатальную ошибку, не читая «НВ». Не повторяйте этой ошибки вы!

Цена журнала в киоске в будущем году — 1 руб. 85 коп. Стоимость 1 номера по подписке — В 3 РАЗА ДЕШЕВЛЕ — 59 коп.

Подписная цена:
— на год — 30 руб. 68 коп.,
— на полгода — 15 руб. 34 коп.,
— на 3 месяца — 7 руб. 67 коп.,
— на месяц — 2 руб. 56 коп.
Индекс 70621

«НОВОЕ ВРЕМЯ»
— ЭЛИТАРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ВСЕХ!

Конец беспредела — на обломках империи...

Лев Тимофеев

Конференция по человеческому измерению проходит, как и намечали, в Москве. Но в другой стране...

Никакие конференции не могут обеспечить соблюдения прав человека. Не от министра же иностранных дел Франции господина Ролана Дюма требовать гарантий свободы слова в Узбекистане и не от госсекретаря Бейкера — решения югосетинской проблемы. Конференции такого рода вообще собираются не для решения конкретных проблем, а для утверждения некоторых универсальных принципов, для публичного напоминания народам и правительствам, что эти принципы — скажем, принципы Всеобщей декларации прав человека, — обязательно применимы и для ситуации в Узбекистане, и для решения проблем Осетии, и для многих и многих других проблем.

Но само по себе признание принципов и даже подписание соответствующих документов еще не значит, что права человека будут соблюдаться. Советский Союз давно присоединился и к Всеобщей декларации, и к Международному пакту о гражданских и политических правах, и к Хельсинкским соглашениям, но, когда прежние советские лидеры говорили о приверженности гуманистическим принципам, они внаглую лгали. Они лгали, когда утверждали, что в советских лагерях нет политзаключенных — одни только уголовники. Они лгали, когда заявляли, что гарантируют свободу покидать свою страну и возвращаться в нее, — и десятилетиями отказывали людям в праве на эмиграцию. Они лгали, когда провозглашали право на достойный уровень жизни, свободу вероисповедания, свободу слова, свободу политического выбора...

Но тут ведь и сама ложь коммунистов была парадоксальным свидетельством б л а г х перемен в мире: насильники уже не могли, как прежде, творить свое насилие, не обращая внимания на международное общественное мнение. Обманом они хотели втереться в мировое цивилизованное общество. Но нет, ложь не прошла.

Регулярное, даже планомерное разоблачение лжи коммунистических правителей началось во второй половине семидесятых годов с началом деятельности Московской группы по наблюдению за исполнением Хельсинкских соглашений (Московская Хельсинкская группа). Несмотря на репрессии, обрушившиеся на первых о р г а н и з о в а н н ы х правозащитников (лагерные сроки, тюрьмы, ссылка, высылка из

страны), их усилия дали жизнь небывалому до тех пор по своей широте и размаху международному движению за права человека (Хельсинкскому движению), дали начало созданию международного общественного органа, постоянно наблюдающего за тем, как исполняются межгосударственные договоренности в области прав человека теми правительствами, которые их подписали...

Международный общественный механизм контроля за соблюдением прав человека особенно успешно может быть применен сегодня у нас в стране. В пору дезинтеграции он мог бы стать одним из важнейших гарантов единых, общечеловеческих ценностей для народов бывшего СССР.

Кому же теперь не очевидно, что СССР никогда и не был единым культурно-историческим и правовым пространством. Культурные, религиозные, политические и правовые традиции Эстонии и Таджикистана, Литвы и Киргизии, Азербайджана и Латвии были настолько несхожи, что даже и бесчеловечному давлению коммунистической доктрины народы этих республик противостояли каждый по-своему, сопротивлялись каждый по-своему... Тем явственнее проявились эти различия с началом демократических перемен в стране. Сами возможности возникновения и развития демократических движений, организаций, партий, демократических структур государственного управления в республиках, бывших некогда европейскими государствами, и в тех, где коммунистическая доктрина за семьдесят лет тесно переплелась с традициями восточных деспотий, сами эти возможности, сами условия совершенно различны.

Вместе с тем различны были и способы сопротивления отживающих властей нарастающим демократическим переменам последних лет. Кровавые события, происходившие в свое время в Вильнюсе и Оше, в Риге и Фергане, Тбилиси и Сумгаите, имели одинаково трагические, но совершенно несхожие по своей природе сюжеты.

Права человека — понятие универсальное в современном цивилизованном мире. Права и безопасность национальных меньшинств и самого многочисленного из них — русского меньшинства, весь комплекс прав человека, во всей его полноте, должны стать важнейшим объектом межгосударственных отношений нового сообщества. Московская конференция — прекрасная возможность провозгласить в области прав человека верховенство международных законов над национальными и обеспечить контроль за соблюдением этих законов.

Лев ТИМОФЕЕВ, член Московской Хельсинкской группы, член исполкома Международной Хельсинкской федерации

Заговор как форма безумия

Профессор **Эрвин РИНГЕЛЬ** — глава всемирно известной школы венских психоаналитиков, директор Института медицинской психологии в Вене, почетный доктор ведущих университетов Европы, Америки, Азии. Рингель отвечает на вопросы собственного корреспондента «НВ» в Австрии **Анатолия Ковригина**

«Новое время». О политических, экономических и социальных мотивах, побудивших заговорщиков пойти на переворот, сказано немало. А как оценивает этот шаг психоаналитик?

Эрвин Рингель. Ими двигал прежде всего страх. Страх потерять то, что еще недавно казалось неизменным и важным. И главное, потерять власть и связанные с ней привилегии.

«НВ». Вы — признанный физиологист, и я знаю, что все дни путча вы провели у телевизора, наблюдая за главными действующими лицами. Как бы вы определили их состояние?

Э.Р. Когда я увидел лица путчистов на вечерней пресс-конференции в первый день переворота, то сделал для себя твердый вывод: с такими лидерами победы не одержать. Зажатые, окостенелые люди, потускневшие глаза и скованная жестикация выдавали неуверенность, граничащую с отчаянием. В них даже прочитывался панический страх. Можно с большой степенью вероятности предположить, что речь в данном случае идет о людях с психическими отклонениями разной тяжести. Во всяком случае, первое лицо заговорщиков — человек с трясущимися руками — давно надо было отправить к врачу и подвергнуть медицинскому освидетельствованию.

«НВ». А что можно сказать о Президенте?

Э.Р. Признаюсь, я буквально прилип к экрану, когда показывали возвращение Горбачева из Крыма. Для меня, как психотерапевта, было совершенно ясно, что мы имеем дело с человеком, находя-

Рисунок Виктора Богорада

щимся в глубокой депрессии. Это впечатление подтвердила передача о встрече Президента с парламентариями России. Понятно, Горбачев много пережил — как в политическом контексте, так и в личном плане. Он не мог не переживать за начатое дело, за своих родных и близких. И я сразу понял, что Горбачеву надо помочь. Именно сейчас ему нужен хороший психотерапевт, который бы помог ему вернуть веру в лучшее будущее, прибавил жизненных сил.

«НВ». Как долго будет сидеть в Президенте «августовский синдром»?

Э.Р. Точно отмерить время трудно. Человеку свойственно ошибаться. Жизнь состоит из ошибок и уроков, которые мы извлекаем. Но в отношении Горбачева совершенно неправильно говорить только о промахах. Ему нет нужды стучать себя в грудь и каяться. Пусть это делают путчисты.

«НВ». Тем не менее в адрес Президента лавиной идут упреки, причем как справа, так и слева. Как долго можно в таких условиях «держат удар», пользуясь боксерской терминологией?

Э.Р. Думаю, Горбачеву не грозит нокаут. По последним его выступлениям видно: он восстанавливается, набирает прежнюю форму динамичного и решительного политика. Конечно, многое будет зависеть от последующего развития обстановки и действий его основных партнеров

и оппонентов. Последним мне хотелось бы особо сказать: не надо загонять Президента в угол. Его уход с политической арены таит в себе большие беды. Наоборот, ему нужны сейчас помощь, поддержка истинных друзей, что в состоянии значительно сократить срок преодоления пережитого им психического кризиса. Конечно, Горбачев уже никогда не будет таким, каким был до путча. Но он может стать новым Горбачевым, человеком, уверенным в своих силах и призванным сделать еще много добрых дел.

«НВ». Что, с вашей точки зрения, ждет нашу страну? Рискнете ли вы сделать психоаналитический прогноз?

Э.Р. Очевидно, что ситуация складывается очень опасная. Ваши люди пострадали. Они измучены бытием, которое я бы определил медицинским термином «замаскированная жизнь», то есть на фасаде спокойствие и довольство, а внутри озлобленность и вражда. Корсет, сдерживающий всю систему, практически развалился. Его развал после путча идет ускоренными темпами, в этих условиях очень велика угроза ответной сверхреакции. Смесь антикоммунизма и национализма таит в себе большую взрывную силу.

«НВ». Отец психоанализа Зигмунд Фрейд еще в начале 20-х годов писал, что коммунистический эксперимент вряд ли сможет победить, так как за дело взялась партия, требующая безусловной веры и безоговорочного подчинения. А чтобы верить, писал Фрейд, надо встать на колени. Похоже, его пророчество сбылось. Что вы думаете по этому поводу?

Э.Р. Вопрос о том, почему капитализм обречен на победу над коммунизмом, очень интересен с психологической точки зрения. Если отбросить всякие побочные причины и словесную шелуху и дело свести к обнаженной правде, то можно предложить следующую формулу: капитализм исходит из того, что человек плох, ему свойственно чувство наживы, стремление победить соперника, быть первым и лучшим. Коммунизм же базируется или, вернее сказать, хотел бы базироваться на том, что человек хорош и ему присуще чувство справедливости и равенства. Ленин пришел к мысли о том, что людей можно и нужно заставить быть правильными, хорошими. Именно эта посылка лежит в основе идеи диктатуры пролетариата. И как раз в ней и заключается червоточина, так сказать, проблема квадратуры круга. Никого нельзя заставить быть счастливым против его воли, добиться этого путем принуждения.

ВЕНА

О чем же договорился Сталин с Гитлером в 1939 году?

Лев Безыменский

6 сентября 1991 года СССР признал независимость Литвы, Латвии и Эстонии. Новые документы из немецких и советских архивов помогают понять, как и когда эти республики независимость потеряли

Знаем ли мы всё о том, что произошло 52 года назад, в дни подписания советско-германского договора о ненападении? Конечно, знаем больше, чем раньше, и в этом — историческая заслуга работавшей по решению первого Съезда народных депутатов СССР комиссии, которой руководил А.Н.Яковлев. Советский народ узнал о секретных протоколах, смог оценить смысл пакта. Однако, связанная своим мандатом, комиссия вынесла суждение только о самом договоре от 23 августа 1939 года, а не его последствиях.

Когда же речь зашла о Прибалтике, столкнулись две точки зрения. Первая из них сводилась к тому, что при всей неправомерности пакта тогда, в 1939 году, не шла речь о «советизации» Прибалтики. Другие считали, что уже тогда будущее включение республик в состав СССР было предпринято. Спор так и не был закончен, ибо обе стороны не могли представить достаточных документальных доказательств.

Теперь эти доказательства есть.

В ночь на 24 августа

Как свидетельствуют очевидцы, когда прибывший в Москву Риббентроп вечером 23 августа начал общие рассуждения, Сталин нетерпеливо прервал его, сказав: «Довольно, давайте говорить о протоколе». Риббентроп изложил немецкое предложение: сфера интересов Советского Союза будет включать Финляндию, Эстонию и восточную часть Латвии (до рубежа реки Западная Двина). Западная часть Латвии и Литва должны были отойти к сфере интересов Германии. Зато вся восточная Польша — в сферу СССР.

Сталин согласился не на всё: он выдвинул категорическое требование о передаче Советскому Союзу находящихся западнее рубежа Двины латвийских незамерзающих портов Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс). Риббентроп не имел на это полномочий и был вынужден запросить Гитлера. Заседание прервали. Риббентроп срочно связался через Берлин с баварской резиденцией Гитлера «Бергхоф». Оттуда было передано в Москву лаконичное сообщение: «Да, согласен».

Некоторые историки считают, будто в тот вечер Сталин не сообразил, что может требовать от Гитлера все, что хочет. Например, Сталин тогда молчаливо согласился на передачу Литвы в немецкую сферу. Лишь 25 сентября — уже после начала

войны и вступления Красной Армии в Западную Белоруссию — Молотов вызвал к себе посла Шуленбурга и изложил ему предложение Сталина: «поменять» восточную Польшу на Литву, передав Литву в советскую сферу.

Что и говорить, именно эта линия в поведении Сталина давала повод предполагать, что уже 23 августа созревала идея «советизации» Литвы, Латвии и Эстонии. С другой стороны, почему надо было говорить о «советизации»? Ведь и создания нейтрального стратегического предполья перед Ленинградом было бы достаточно на тот случай, если приближение вермахта к советским границам казалось неотвратимым. Признаться, я так оценивал намерения советского руководства. Судя по новым документам, ошибочно.

В ночь на 28 сентября

Самое трудное для нынешнего историка

Молотов, Хильгер и Риббентроп

при оценке 1939 года состоит в том, что мы до сих пор не имеем достаточного количества документов советской стороны. Конечно, положение лучше, чем до 1985 года: МИД СССР предоставил советским и иностранным исследователям доступ к значительному числу дипломатических документов. Сейчас готовится к изданию том XXII «Документов внешней политики СССР» (1939 год), за что низайший поклон сотрудникам Историко-дипломатического управления МИД.

Пока же для прояснения советской позиции ценны любая крупница, любое свидетельство. Вот почему огромное значение приобретает находка, сделанная крупнейшим знатоком того периода д-ром Ингеборг Фляйшхауэр. В личном архиве немецкого посла в Москве графа Фридриха Вернера фон Шуленбурга в пожелтевшей от времени папке с собственноручной надписью посла «Дела, относящиеся лично ко мне» она нашла машинописное изложение содержания переговоров, состоявшихся 27–28 сентября 1939 года между Риббентропом, Сталиным и Молотовым. Советской записи мы не имеем (в архиве МИДе нет). Немецкая же до сего времени была неизвестна. Ее вел советник посольства, он же переводчик Густав

Хильгер. Язык он знал как родной (родился и учился в Москве), в составлении столь важных документов был премоного искушен.

Д-р Фляйшхауэр недавно опубликовала многостраничный меморандум Хильгера (что приятно отметить, параллельно в московской «Международной жизни» и мюнхенском журнале «Фиртельсрехсфетюр цайтгешихте»). Нам же исключительно важны пассажи, касающиеся Прибалтики. Так о чем же говорили в Москве в ночь с 27 на 28 сентября 1939 года? Что говорил тогда Сталин?

...Тема Прибалтики возникла довольно скоро, а именно когда Риббентроп стал говорить о том, что пакт принес многое для СССР («выход к Балтийскому морю»). Он подчеркнул, что для Германии важно узнать: «как и когда» собирается Сталин решать весь комплекс проблем, касающихся Прибалтики? Записи Хильгера гласит:

«По вопросу о Прибалтике Сталин заявил, что Советское правительство потребовало от правительства Эстонии предоставления баз для своих военных кораблей в эстонских гаванях и на островах Даго и Эзель, а также баз для своих военно-воздушных сил. Для охраны этих баз Советское правительство дислоцирует в Эстонии одну пехотную дивизию, одну кавалерийскую бригаду, одну танковую бригаду и одну бригаду ВВС. Все эти мероприятия будут проводиться под прикрытием договора о взаимной помощи между Советским Союзом и Эстонией. Эстония уже дала на это свое согласие».

Действительно, одновременно с Риббентропом в Москве находился министр иностранных дел Эстонии Карл Сельтер. Он прибыл для подписания торгового соглашения, но основной темой стал инцидент в Таллинском порту. Там произошло таинственное исчезновение интернированной польской подводной лодки, что советская сторона интерпретировала как опасность «диверсий в балтийских водах». Неожиданно для эстонского министра ему был предложен пакт о взаимопомощи, который в числе прочего предусматривал размещение советских гарнизонов на эстонских базах. На это ультимативное требование эстонское руководство было фактически вынуждено дать свое согласие, считая пакт средством обеспечения «мирного сотрудничества» эстонского народа и народов СССР (так заявил президент К.Пяте).

Далее в меморандуме Хильгера говорится:

«На вопрос г-на министра, предполагает ли тем самым Советское правительство осуществить медленное проникновение в Эстонию, а возможно и в Латвию, г-н Сталин ответил положительно, добавив,

что тем не менее временно будут оставлены нынешняя правительственная система в Эстонии, министерства и так далее.

Что касается Латвии, Сталин заявил, что Советское правительство предполагает сделать ей аналогичные предложения. Если же Латвия будет противодействовать предложению пакта о взаимопомощи на таких же условиях, как и Эстония, то Советская Армия в самый краткий срок «расправится»* с Латвией.

Что касается Литвы, то Сталин заявил, что Советский Союз включает в свой состав Литву в том случае, если будет достигнуто соответствующее соглашение с Германией об «обмене» территорий. В первой части беседы Сталин менее ясно высказал свое намерение, касающееся аннексии Литвы».

К сожалению, в нашем распоряжении нет записей бесед Сельтера в Москве. Зато есть записи аналогичных переговоров, состоявшихся через несколько дней с Латвией. На них Сталин говорил министру иностранных дел Мунтерсу:

«Думаю, вы нас ругать не станете. Прошло 20 лет; мы стали сильнее, вы тоже. Мы хотим говорить о тех же аэродромах и о военной защите. Ни вашу конституцию, ни органы, ни министерства, ни внешнюю и финансовую политику, ни экономическую систему мы затрагивать не станем».

Когда же латвийские представители не проявили покладистости, Сталин стал определеннее:

— Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся!

Мунтерс возразил, что и у Латвии есть договор с Германией. Сталин ответил:

— Если не мы, то немцы могут вас оккупировать. Но мы не желаем злоупотреблять. Риббентроп — разумный человек...

Молотов бывал еще грубее. Когда во время одной беседы эстонский посол Рей начал фразу словами: «Нельзя ли...», нарком прервал его: «Нет, нет!» Много лет спустя Молотов предельно ясно объяснил свое поведение: «Деваться им было некуда. ...А нам нужна была Прибалтика».

Но вернемся к меморандуму Хильгера. Во время второй беседы со Сталиным и Молотовым (она началась в 15 часов 28 сентября) Риббентроп, получив указания от Гитлера согласиться на «обмен» Литвы, снова поднял вопрос о Прибалтике.

Запись гласит:

«После окончания этой части переговоров г-н министр попросил Сталина сообщить, в какой форме и когда Советское правительство

*Так как мы печатаем обратный перевод немецкого протокола на русский, то возможно, что вместо «расправится» Сталиным было употреблено более крепкое слово, например «расколошматит».

предполагает реализовать свои намерения, касающиеся Прибалтики.

Господин Сталин ответил, что эстонское правительство согласилось с предложениями Советского Союза и на этом основании можно рассчитывать на заключение соответствующего соглашения с Эстонией уже этим вечером или в крайнем случае ночью. Сталин затем сообщил содержание соглашения с Эстонией (в настоящее время оно уже опубликовано). Кроме этого он сообщил, что в этом соглашении в качестве места дислокации советских военных кораблей указан Балтишпорт*, однако одновременно в специальном доверительном соглашении было договорено, что корабли будут дислоцироваться и в Таллине, поскольку Балтишпорт еще недостаточно оборудован. В качестве верхнего предела численности войск, вводящихся в Эстонию, Сталин назвал 25 тысяч человек. Численность упомянутой им в предыдущей беседе авиационной бригады он обозначил в три полка. Под конец Сталин повторил, что пока не предполагается изменять нынешнюю политическую и экономическую систему Эстонии и вводить там советскую систему. Пока остается эстонская конституция, министерства будут продолжать свою работу. До поры до времени Эстония будет сама решать свои внешнеполитические дела.

Итак, «до поры, до времени».

Свидетельство Димитрова

Но, может быть, в разговоре с Риббентропом Сталин слишком «акцентировал» свои планы, касающиеся Прибалтики, стремясь запугать своего нового союзника? Может быть, Хильгер был неточен? Два подобных критических вопроса имеют право на существование. Второй из них я заранее снимаю, зная другие записи Хильгера, которые при сравнении с советскими записями тех же бесед оказываются аутентичными. Что касается первого сомнения, то судить о нем помогает другой архивный документ. Он хранился не у Шуленбурга, а в документах руководителя Коминтерна Георгия Димитрова. Наш журнал («НВ» №34/89) однажды уже цитировал записи из дневника Димитрова, с которым Сталин не раз подробно беседовал.

25 октября (то есть уже после заключения пактов с тремя республиками) Сталин в присутствии Жданова встречался с Димитровым. Дневник зафиксировал слова Сталина:

«— Мы думаем, что в пактах взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту

*Порт Палдиски

влияния Советского Союза ряд стран.

Но для этого надо нам выдержать, — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность.

— Мы не будем добиваться их советизирования.

— Придет время, когда они сами это сделают!»

Несколько другой вариант? Но в принципе он мало чем отличается от бесед с Риббентропом. Тому он говорил о пактах взаимопомощи с Эстонией, Латвией, Литвой — Димитрову тоже. Посланцу Гитлера говорил, что сохранит самостоятельность этих государств «до поры до времени». Димитрову — о том, что «нам надо выдержать», но «придет время». Что же касается уверенности Сталина в том, что три республики «сами это сделают», то события 1940 года выразительно свидетельствуют, что именно имелось им в виду. Деканозов, Жданов и Вышинский летом 1940 года «сами это сделали».

Таковы документы. Они горьки для всех, кто долгое время принимал официальную концепцию «социалистической революции» в Прибалтике и добровольного вхождения в СССР. Но документы игнорировать нельзя, даже если они горьки. Они являются лекарством, которое избавляет общество от застарелых заблуждений. Чем больше будет публиковаться документов — тем скорее наступит исцеление!

Здесь же далеко не все в порядке. Когда на днях руководители Российского комитета по делам архивов пришли в Общий отдел ЦК КПСС и на основании указов президента потребовали предоставления им наиболее важных документов, то им ответили: их нет, они «переданы». Кому? Выяснилась поразительная история. Несколько месяцев назад, когда будущий участник переворота, всемогущий заведующий Общим отделом ЦК КПСС В. Болдин обрел не менее всемогущий пост руководителя аппарата Президента, он добился распоряжения передать ключевые документы ВКП(б) и КПСС из ЦК в так называемый Президентский архив, в Кремль. Иными словами, от Болдина к Болдину!

Если учесть, что в 1989 году во время работы комиссии А.Н. Яковлева именно Болдин упорно отказывался предоставить самые важные документы, то замысел будущего путчиста был ясен: держать все под своим контролем, хранить тайны сталинских времен. Теперь, когда путч сорван и Болдин уже не у власти, документы ЦК ВКП(б) должны быть срочно изучены и опубликованы. Таково элементарное требование, выполнение которого принесет благо как для науки, так и для окончательного разоблачения сталинизма.

Малое внедренческое предприятие

● Предлагаем прикладные программные комплексы с адаптацией к требованиям заказчика:

— бухгалтерский учет (сводный учет, материальный учет, финансовые операции, зарплата и тому подобное);
— пакет прикладных программ «Кадры»;
— автоматизированная система контроля исполнения поручений;
— автоматизированная система «Автотранспорт» (путевые листы, расчеты с клиентами, учет расхода ГСМ и тому подобное).

● Производим поставки вычислительной техники. Заключим договор на техническое обслуживание парка вычислительной техники, имеющейся у заказчика.

● Быстро и качественно высококвалифицированные специалисты проведут расчеты на прочность различных узлов и деталей.

● Предлагаем комплекс услуг в области измерения и анализа акустического шума, вибраций и других быстропеременных процессов (экспертиза на соответствие требованиям ГОСТа, выработка рекомендаций).

Приглашаем сложившиеся коллективы со своими объемами работы.

Обеспечивается высокий процент зарплат. Расчеты с подрядными коллективами производим в недельный срок с момента поступления платежей от заказчика.

Наш адрес: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 99, МВЦ «Реолог».

Телефон для справок (095) 446-32-11

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Перед самым переворотом (звучное начало, не правда ли?) я купил в магазине «Политическая книга» отпечатанную на скверной газетной бумаге брошюру «Необходимое руководство для Агентов Чрезвычайных Комиссий».

На обложке стояло: «Издание Волынской Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности». Воспроизведено репринтным способом. Как свидетельство аутентичности — черный штамп: «Всесоюзная библиотека имени Ленина. Спецхр.»

Книжка имеет шанс стать бестселлером в нынешние дни, когда КГБ — наследник, как известно, славной ЧК — превратился в самую популярную организацию в стране. Его сотрудники — бывшие и настоящие — напрапую дают интервью. Газеты помещают их групповые и одиночные фото. Одиночные — в одиночке, групповые — в канцелярских интерьерах. Прокуроры знакомятся с интерьерами и сообщают, что там — интересно.

КГБ стал популярнее даже, чем КПСС, с которой прежде в этом соперничал. Ибо КПСС приходит конец, а КГБ подлежит реформированию. Более того, КГБ на глазах разделяется, как амeba, отпочковывая от себя маленькие, но жизнеспособные республиканские «кэзэбушки», каждая из которых тоже, наверное, подлежит реформированию, а пока что отделяет преданные демократии кадры от кадров с заговорщицкими поползновениями. Демократов на удивление много. Раньше был один генерал Калугин, а теперь все наперебой хвастаются, кто больше секретов выдал, полагая это критерием верности демократии.

В такой неустойчивой ситуации нужен надежный инструктивный текст, каковым и является «Необходимое руководство для агентов». Его, полагаю, нужно переиздать, заменив слова типа «пламенный революционер» и «борец за дело пролетариата» на «пламенный конституционалист» и «борец за дело демократии». После этого текст можно воспроизводить с буквальной точностью. Например, сотрудник органов — это пламенный конституционалист, чистый человек, чуждый обывательских мелочных мыслишек, сильный духом и волей, берегущий народную копейку. Тут же будет и практический совет по сбережению копейки. Сказано прямо: «Расплачиваться нужно так, чтобы сотрудник был зависим и не мог шантажировать».

Далее — крайне полезный совет из области кадровой работы: «Коль скоро сотрудник не

убежден в преступной деятельности лиц, находящихся на свободе, то, следовательно, он еще в недостаточной степени склонен к работе в розыском органе».

Тут же рядом имеются предписания по ликвидации контрреволюционных (надо будет печатать: антиконституционных) заговоров: «Дознание возбуждается тогда, когда имеется в виду к этому достаточный повод, напр.: пасквильные письма, народная молва и т.п.»

Заговоры у нас будут, и много, это ясно из газет. Некоторые даже прямо пишут, что начнется в январе. Обстановка действительно соответствует той, что была в восемнадцатом году: разруха, голодуха, сильные морозы обещаны. Рай для заговорщиков. А что касается поводов для возбуждения дознания, то есть пасквильных писем и народной молвы, то их уже сколько угодно, и непонятно, почему мы еще медлим.

Кто-то может сказать, что я напрасно горячусь, что все это имеется — и гораздо лучше разработано — в новейших инструкциях КГБ и что те, кому положено, уже возбуждают что положено. Так оно и есть, конечно. Но в деле реформирования наших славных органов любой источник полезен, а чистый, изначальный, к которому можно припасть без боязни оскверниться, — тот просто незаменим.

Есть и еще одно основание, по которому книжку нужно не только переиздать, но распространить массовым многомиллионным тиражом. Дело в том, что первым ее разделом идут «Правила конспирации»: как подбирать конспиративную квартиру, где хранить чернила для гектографа, кого особенно опасаться (дворников и хозяев меблированных комнат).

Все это разбито по пунктам. В пункте 38 — крайне важное предостережение: «На галошах не следует иметь своих истинных инициалов. Это часто дает предателям нить для разыскания лиц, фамилии которых им известны».

Задумаешься: для кого же это писано? Но пункт 45-й все разъясняет: «Едуший на Съезд обязан в последнее время перед назначенным сроком изолироваться от всяких дел и даже переменить наружность и местожительство».

Понятно. Вспоминается Ленин, он же — рабочий Иванов. Значит, раздел о конспирации перескочил в руководство для агентов прямо из какой-нибудь дореволюционной большевистской инструкции по подпольной работе.

В газетах пишут, что на Украине уже состоялся первый подпольный пленум ЦК. Собрались на квартире, обсудили ситуацию. Но, боюсь, неорганизованно, без систематической подготовки. Метки на галошах не спороты, номера на черных «Волгах» не подменены, гектографические чернила и лино типы не спрятаны вовремя, и их конфисковали.

С этим легкомыслием пора кончать. И государство должно помочь своим большевикам, отпечатав эту брошюру тиражом, по крайней мере равным числу невыбывших членов партии. Потому что если они не научатся конспирации, то не смогут составлять заговоры, если они не смогут составлять заговоры, то нечего будет разоблачать, если нечего будет разоблачать, то зачем вообще нужен КГБ, а если он не нужен, то зачем его реформировать?

В заключение — еще один тезис из брошюры, подтверждающий ее актуальность для габэзных реформ: «Все оклады считать лишь временными ввиду дороговизны жизни в Москве».

Предательские галоши, или Зачем реформировать КГБ

Леонид Ионин

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО.

Призрак капитализма бродит по Союзу. Но социалистические идеи живучи, потому что они стали частью культуры. Ими прикрывают страх перед рынком. Чтобы понять, что происходит, надо вернуться к истокам социализма.

**К истории
Великой
Октябрьской
социалистической
революции**

2. Соблазн И соблазнитель

Симон Соловейчик

СДЕВКОЙ НА «МЕРСЕДЕСЕ»? Недавно в «Огоньке» было опубликовано письмо, с которого лучше всего начать: «Что вы так набросились на социализм и грызете его из номера в номер? Вы предаете строй, за который отдали жизни миллионы. А я знаю, что такое капитализм в русском варианте. Это наглая морда бизнесмена, едущего с девкой на «мерседесе» (Ю. Миронов).

Сердитому читателю можно было бы ответить так же сердито, обвинить его в зависти, в грубости, объяснить ему, как надо относиться к богатым, показать, что нерусские капиталисты тоже не прочь на «мерседесах» с кем-нибудь покататься, и так далее.

Но он прав, этот читатель, во всяком случае в «мерседесной» части письма. То есть не то что прав, но он задел самую важную струну самого важного из всех человеческих вопросов.

В середине восемнадцатого века об этом же писал Жан Жак Руссо чуть изящнее: «...Естественное право, — писал философ, — как бы мы его ни определяли, не может допустить, чтобы дитя властвовало над старцем, чтобы глупец руководил

мудрецом и горсть людей утопала в роскоши, тогда как огромное большинство нуждается в самом необходимом...»

И в письме читателя Миронова, и в сочинении Руссо речь идет о социальном неравенстве. Почему одним ничего, а другим все?

Человечество не может справиться с этой проблемой, ну никак не может, хоть умри. Сколько ни писали о грехе зависти, об уравнительном или казарменном социализме, какие проповеди ни произносились, какие философы ни брались за эту проблему, сколько ни проповедовали воздержание и скромность, — после всех объяснений и уговоров найдется человек, которому будет ненавистно видеть наглую морду, «мерседес» и девушку — почему? Почему не всем одинаково, каждому по «мерседесу» и по девке?

И сегодняшние защитники социализма в первую очередь указывают на это: при социализме равенство (ни у кого ничего нет своего), при капитализме — социальное неравенство. Можно было бы привести цифры (они публиковались), показывающие, что дело обстоит как раз наоборот: в развитых странах разрыв между бедностью и богатством гораздо меньше, чем у нас; можно было бы сказать, что у нас очень богатые люди скрыты от глаз, так что мы и представить себе не можем, как они живут, но

Антикапитализм

КАПИТАЛЪ

это все бессмысленно говорить — это не имеет значения.

Потому что социальное неравенство действительно является болезнью, причем болезнью номер один, самой тревожной и опасной. Болезнью, от которой пока что ни одному обществу до конца излечиться не удалось. Когда у нас критикуют Америку за бедных, за всякого рода дискриминации, эта критика была бы совершенно правильной, если бы не одно обстоятельство: если бы она не была похожа на крик умирающего от проказы — смотрите, смотрите, вон прокаженные, у них проказа!

Считается, что неравенство — следствие капиталистического устройства. А может быть, наоборот: капитализм — симптом неравенства? Излечиться от капитализма — неравенство не только останется, но еще и возрастет, хотя и в других формах.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЗАВИСТЬ?
Однако видеть в неравенстве лишь отрицательную сторону — неправильно. Неравенство и болезнь общества, и необходимость — даже лечение.

Болезнь: люди рождаются неравными по способностям, это факт, но общество усиливает прирожденное неравенство до огромных размеров.

Лечение: неравенство создает разность потенциалов, из которой рождается человеческая энергия действовать, предпринимать, добиваться и увеличивать общественное богатство, которое дает возможность постепенно сглаживать неравенство.

«Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! — писал Кант. — Без них все превосходные природные задатки человечества оставались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора. Он желает жить беспечно и весело, а природа желает, чтобы он вышел из состояния нерадивости и бездеятельного довольства и окунулся с головой в работу и испытал трудности, чтобы найти средства разумного избавления от этих трудностей».

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ. Однако диалектические взгляды на страдания и нищету плохо воспринимаются нищими и страдающими. Нельзя ли от неравенства избавиться? Тем более что болезнь была новой, неизвестной, ибо прежде неравенство не казалось несправедливым, мир был устроен надежно: люди равны в Боге, а в материальном мире каждому указано свое место. Лишь в восемнадцатом веке возникла идея социального ра-

венства людей и, следовательно, несправедливости неравенства. Но о новой болезни никто не знает, излечима она или нет, всегда кажется, что вот-вот, что средство рядом, и всегда появляются шарлатаны и знахари, предлагающие верное средство, это неминуемо.

Всемирный поиск средства от болезни неравенства и породил знахарские социалистические идеи, суть которых, при всем их разнообразии, в одном: предложить окончательное решение проблемы.

Забегая вперед, можно сказать, что идеология окончательного решения сложных социальных проблем — одна из самых больших опасностей, какие только угрожают человечеству. Например, весь фашизм держится на одном слове: «покончить». Раз и навсегда покончить. Поэту Гитлер и назвал свою партию социалистической. А так как он собирался окончательно решить проблемы лишь своего народа и притом за счет других, то его социализм назывался националистическим. Все правильно: национал-социализм, окончательное решение национальных социальных проблем.

Опасность идеологии окончательного решения усугубляется тем, что во многих случаях она выглядит невероятно благородной. Так было и с социализмом. Пока социалист обличает неравенство, нищету, бесправие людей — как ему не посочувствовать, не поддакнуть, не откликнуться сердечным движением на его горячие чувства? И мы не в силах обнаружить, что он незаметно (часто и для себя незаметно) переходит к знахарству и шарлатанству, что благородное оборачивается опасным.

ТОСТ ПЕРЕД ТЮРЬМОЙ. Логическое основание идеи лучше всего рассматривать в ее историческом истоке, когда она была еще совсем проста, наивна и отнюдь не священна.

В 1849 году 7 апреля, в четверг на святой неделе, в большой зале на квартире петербургского ученого-экономиста Александра Европеуса был накрыт стол на одиннадцать персон для торжественного обеда в честь дня рождения одного француза, Шарля Фурье, портрет которого специально для этого случая был выписан из Парижа. Говорили заранее написанные тосты-речи, выступил и 26-летний сотрудник министерства иностранных дел генеральский сын Дмитрий Ахшарумов. Через две недели он должен был ехать по служебным делам в Константинополь, но, увы, не надо было ему идти на этот обед и говорить свою речь — никуда он не уехал, а был почти сразу же арестован, судим,

приговорен к смерти и лишь у эшафота помилован: заменили смерть на арестантские роты. Суд нашел в его речах «дерзость и преступность мнений». Вот что он, в частности, говорил, вот в чем была его дерзость:

— Нас окружают сотни миллионов людей, которые оглушены бреднями и не знают о том, что ожидает их новая жизнь и что они должны подготовиться к принятию ее. Наше дело — высказать им всю ложь, жалость этого положения и образовать их и возвестить им новую жизнь. Да, мы, мы все должны это сделать и должны помнить, за какое великое дело беремся: законы природы, растоптанные учением невежества, восстановить, реставрировать образ божий человека во всем его величии и красоте, для которой он жил столько времени. Освободить и организовать высокие стройные страсти, стесненные, подавленные. Разрушить столицы, города, и все материалы их употребить для других зданий, и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселую, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах — вот цель наша, великая цель, больше которой не было на земле другой цели... Мы здесь, в нашей стране, начнем преобразование, а кончит его вся земля...

Бедные мы люди — и те, тогдашние, и мы, нынешние.

Как быть? Как жить? Всегда и повсюду одно и то же: бедствия, нищета, стыд, срам... и ложь, и бредни... Что делать?

Терпеть неволю, но имеет ли право человек мечтать «о переделке всего человечества на свой штат», как насмешливо писал Достоевский? Нет, мечтать-то, конечно, вправе каждый и о чем угодно, но имеет ли он право приступать к такой переделке, имеет ли он право на человечество?

Тут одно из самых первых, еще на дальних подступах к будущим проблемам, нравственным препятствиям, которое приходится преодолевать каждому вступившему на социалистический путь.

А что? А если это так просто, так ясно, если надо лишь вернуться к законам природы, только реставрировать образ божий человека... Покрыть всю нищую нашу землю дворцами и плодами... Роскошная, стройная жизнь — разве плохо? Ахшарумов, как и все фурьеристы, не был революционером, у собравшихся за обеденным столом не было кровавых идей диктатуры, заговора, как у декабристов, или чего-нибудь такого, наоборот, они, как писал потом в воспоминаниях Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов (он дожил до 1910 года), искали в фурь-

еристском проекте «спасения человечества от всяких зол, бедствий и напрасных революций».

Соблазн — вот что было в речах Ахшарумова и его товарищей, «жар соблазна», как сказано у Пастернака по другому, куда более сладостному поводу, но все равно — жар, сужающий сознание и подавляющий чувство ответственности.

Вот общее у всех социалистических идей — они прельстительны, соблазнительны, они бланзят, обманывают, воспаляют сознание: «И жар соблазна вздымал, как ангел, два крыла крестообразно». В социальном, политическом соблазне тоже два крыла: сегодняшняя безобразная жизнь и завтрашняя, счастливая для всех, так что кажется, бланзится, будто стоит скрестить их, эти два крыла, и нечто ангельское низойдет на мир и наступит царство божие на безбожной, обезбоженной этой земле. Считают, что социализм был утопией, потом стал наукой. Но утопия не нарушает законов, она просто мечта — вроде нынешней фантастической литературы, а наука тем более не против законов, она сама их открывает. Соблазн же обманывает тем, что представляет недоступное легкодоступным, невозможное возможным, превращая мечту в страсть, вызывая дурное действие. У Дали соблазнять — склонять к чему-либо (больше к худому) приманкой, вовлекать, подушачить, заманивать; подать повод или случай к греховному падению; «соблазн велик — и совесть молчит».

Где соблазн — там умолкает совесть, где соблазн — там трагедия. И наоборот: трагедия социалистической идеи в том, что она с момента зарождения и до наших дней представляла и представляет собой соблазн, приманку, ложное обещание роскошной, стройной жизни взамен лживой и нищей. Так было всегда, так осталось и сегодня, и те, кто сегодня провозглашают социалистический выбор, все так же, ничему не научившись, обещают нам счастливую страну обновленного социализма — то есть новую трагедию. С той лишь разницей, что те, прежде, получали за свои соблазны каторгу да расстрелы, а нынешние... что говорить.

Те, прежде, и сами соблазнялись, не знали, что будет из их мыслей, речей и статей.

А эти-то ведь знают.

Соблазн — грех, соблазнившиеся — согрешившие. Но каким словом назвать сознательных социальных соблазнительцев?

ИСТОРИЯ СОБЛАЗНА. Вся история социализма есть история наполнения соблазна новыми идеями и аргументами, то есть нарастания степени обманчивости. Вот это и считается превращением социализма в науку, хотя на самом деле идея эта, все так же, как и при зарождении, далекая от действительности

сти и правды, становилась все более похожей на правду и действительность, все более наукообразной. Призрак, бродивший по Европе, постепенно прояснялся, черты его выступали все выпуклее, он начинал казаться живым или по крайней мере неотличимым от живого, и многие постепено забывали о том, что это всего-навсего призрак.

Это как в фильме Андрея Тарковского «Солярис», где желание астронавта увидеть любимую женщину таинственным образом осуществляется, и вот она перед ним во плоти, во всей телесной прелести, обнимай и целуй. Не сразу понимает потрясенный человек, что это фантом. А когда понял — что ему делать? Тут одна из наиболее трагических способностей человеческой души — до немыслимо тонкой черты сближать мысль и явь, однако без божественной возможности черту эту переступить, тут экзистенциальная тоска человека, вызванная тем, что он не бог. От этой тоски — все древние мифы о метаморфозах, превращениях неживого в живое и обратно, человека — в бога, бога — в человека.

Потому-то социализм трудно поддается опровержению: он пользуется свойством человеческого ума теряться в таких переходах, и недаром марксово учение было объявлено историческим материализмом — социализм всегда претендовал на объективное существование, на суровый материализм — он боялся идеализма и брезгливо, пугливо отталкивался от него, ибо сам является идеализмом, ложным, как в кинотрюке, прыжком от желания к реальности — хотя на самом деле пропасть осталась пропастью.

Так нравственное, чистое желание счастья людям перетекает, как уже говорилось, в нечто безнравственное, в обман. Дальше происходит следующее: нравственное остается на том же уровне сердечного порыва, а обман все возрастает, крепнет, становится все более хитроумным, пока процент нравственного не становится ничтожным, а обман — почти полным.

В речах вроде ахшарумовского тоста была лишь мечта. Но, чтобы стать политическим учением, социализм должен был сначала обрести экономическую плоть, материалистическое основание. Как это получилось, лучше всего проследить на примере Чернышевского.

ОПАСНЕЙ ТОПОРА. Чернышевского обвиняют в том, что он призывал к топору. Но в той книге, которую читали все, в романе «Что делать?», ничего похожего нет, там революция приходит, как и во всех социалистических трудах прошлого века, каким-то неясным бескровным образом — вот победила, и все тут. Однако невинное социалистическое увлечение Веры Павловны на самом деле было опаснее не то

что топора — опасней нынешней атомной бомбы. Швейная мастерская ее начала процесс, полное развитие которого привело к гибели гораздо большего числа людей, чем при бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, вместе взятых.

Заглянем в бухгалтерские книги первого из описанных социалистических предприятий — поразительные подробности открываются при внимательном их чтении.

Оказывается, дело было так. Организовала Вера Павловна мастерскую, наняла скромных девушек-пшвей, побегала по городу, нашла заказы, стали шить. Получили прибыль. Возник естественный вопрос: какая часть прибыли полагается хозяйке?

Это один из самых простых и самых главных вопросов человечества: как делить прибыль? В конце концов мне не средства производства грызть, не станки, мне реально важно одно: сколько удастся выработать за день и сколько мне останется из каждого выработанного рубля? Здесь все социализмы-коммунизмы-капитализмы, все задачки о справедливости и несправедливости, вся проблема эксплуатации, все реформы и революции. Гамлетовское «быть или не быть?» в переводе на экономический язык звучит хоть и не столь возвышенно, но не менее трагично: как делить?

Исторически сложилось так, что важным, но вторым вопросом о собственности был затושван первый для трудящегося человека, продающего свою рабочую силу, вопрос: как делить прибыль, что ему останется, в каких условиях он будет работать, как сумеет осуществить себя? Все заслонилось проблемой собственности, и так оно и до сих пор идет. Недавно я встретил пожилую женщину-врача, она пожаловалась: — Что же, я всю жизнь проработала, а теперь буду второстепенным существом? У меня нет никакой собственности...

— Это вполне марксистский взгляд: все люди делятся на тех, у кого есть собственность, и на тех, у кого ее нет, и, естественно, не имеющие собственности — люди второстепенные. Революция поставила их на первое место, а сторонники рынка хотят снова обратиться в ничто. Поэтому женщины против рынка. Слово «капитализм» она и слышать не хочет, содрогается.

Она не знает, что в мире больше девяноста процентов людей живут, не имея частной собственности, живут своим трудом, на заработную плату — и при этом живут достойно и уж, во всяком случае, никому не завидую. Она не знает, что ее обманывали всю жизнь политэкономическими бреднями и что начало этому обману было положено очень давно — примерно в ту пору, когда героиня Чернышевского Вера Павловна предложила новый способ делить прибыль.

В чем же он состоял?

Партийная арифметика

Татьяна
Иванова

**Всюду слышу:
«Миллионы
простых
коммунистов ни
в чем не
виноваты»...**

История из моей юности. Практика в радиокomitee. Дежурный отдела писем докладывает о почте, полученной за неделю: «Передача «Сказка за сказкой» — двенадцать тысяч писем... Концерт по заявкам радиослушателей — сорок тысяч писем... «Здоровье» — сорок пять тысяч писем... «Ленинский университет миллионов» — одно письмо».

История эта, тридцатилетней давности, была абсолютно забыта мною. А теперь вспомнилась. Потому что как ни включу телеэкран, радио, какую ни открою газету, сразу слышу и вижу: «миллионы простых коммунистов ни в чем не виноваты», «ни в каком случае не должны быть подвергнуты преследованиям или моральному давлению миллионы честных коммунистов». А частенько слышится и угрожающая арифметика: если, мол, преследованиям будут подвергнуты шестнадцать миллионов коммунистов, то число преследуемых окажется втрое больше (по количеству членов семьи) и эта утроенная цифра еще утроится или даже учетверится (по количеству друзей и родственников). И получится — чуть не вся страна репрессированная...

Вот такой Ленинский университет миллионов. Одно письмо — вы не забыли?

В стране совершен государственный переворот. Был интронизирован Президент Советского Союза. Президент России вместе с правительством России был осажден в здании правительства России. Шестой части света грозил — не будем спорить об определениях, но ясно, что очень строгий режим. Столица государства была осквернена танками. Погибли люди. Были ранены люди. Люди пережили шок, унижение, страх, кошмар. Мир в считанные часы оказался на грани катастрофы. И все это учинили коммунисты.

Кажется, сегодня следователи занимаются четырнадцатю лицами. Остальные члены бывшей правящей, а ныне опечатавшей партии испытывают, надо полагать, некоторый душевный дискомфорт. Хотя по многим из них этого никак не скажешь. Раз

за разом выходили они на трибуну Верховного Совета, потом съезда и с завидным самообладанием требовали, чтобы подследственным предоставили возможность с самой высокой в стране трибуны «изложить свою точку зрения». Членов хунты, ничем не смущаясь, называли «товарищами». «Пусть товарищ Крючков изложит свою точку зрения!», «Надо дать возможность товарищу Язову высказаться перед нами, ведь он наш товарищ».

И каждое выступление «товарищей» заканчивалось призывом не преследовать, не ущемлять в правах миллионы честных, простых коммунистов, ни в чем не виноватых.

В той реальности, где живу я — на улицах Москвы, в большом многоэтажном доме, в редакциях, в магазинах, в метро и автобусах, — решительно никто никого не преследует и не подвергает моральному ущемлению. И о чем так заботятся руководители ныне опечатавшей партии, я не понимаю. Когда же из демократических уст раздаются «не ущемляйте», «не преследуйте», мне даже приходит на ум мысль о каком-то неуместном кокетстве.

Призывы к мести, разумеется, омерзительны. Но тяжкое преступление безнравственно не расследовать. Если общество увидит, что десяток козлов (извините, я не хотела никаких намеков) отпущения примут на себя весь объем греха, совершенного мощным и многочисленным коллективом единомышленников, общество будет полностью деморализовано.

Уверена, если следственные комиссии и выясняют сейчас что-то о человеке, то никак не его партийную принадлежность, а исключительно причастность к делам хунты. И что же такое этот повсеместный вопль «не преследуйте», если не попытка морально воздействовать на следствие?

Миллионы же простых коммунистов, полагаю, в самом деле решительно ни в чем не виноваты. Они только платили партийные взносы, содержали парткомы, райкомы, обкомы, рескомы. ЦК за свой собственный счет. Они хо-

дили на партсобрания и поднимали руки, когда их спрашивали: «Кто «за»?» Когда обыкновенная беспартийная масса подавала голос, они молчали под строгим взглядом парторга. Ну, если кто собиравался бастовать, они шли, могли быть, на работу и жились под презрительными взглядами несознательной бастующей массы. Вот и все. Вот и все — чего же вы теперь от них хотите?

Миллионы честных простых коммунистов не положили партбилеты ни после Тбилиси, ни после Вильнюса, ни после танков в Москве 28 марта. Они, видимо, настолько просты, эти миллионы, что не увидели связи между саперными лопатками и танками и партбилетами. И не ужаснулись, не испытали стыда. Даже когда им открыли запасной выход — сначала Лысенко и Шостаковский со своей «Демплатформой», потом Руцкой со своей демократическо-коммунистической партией, потом и Шеварднадзе со своим «движением», — даже запасным выходом эти очень честные и очень простые люди воспользоваться не сумели. И более того. Когда арестовали их Генерального секретаря, когда вся беспартийная страна встречала друг друга вопросом: «Жив? или убили? или убьют? или вот сейчас убивают?» — вся несознательная, диссидентская, несовершеннолетняя, пьяющая, презирающая социалистический выбор страна замерла в тревоге за их Генерального секретаря (своего далеко не безупречного Президента), — даже в те роковые дни эти простые, честные товарищи, эти миллионы коммунистов никак не обнаружили свое присутствие среди потрясенных людей. Никто из них не вышел на площадь, не закричал: мы, коммунисты, с вами — не верьте нашим цэковцам!

И еще более того. Когда их партию наконец опечатали, ни малюсенького, ни вот такого крохотного митинга в ее защиту простые, честные коммунисты нигде не провели.

Ее нет, этой партии. Миллионы честных и простых вовсе и не чувствуют себя коммунистами. Есть только функционеры, которые гонят волну. Как всегда прикрываясь миллионами. Это константа: «Ленинский университет миллионов. Одно письмо».

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Проблема «конца идеологий» — проблема, кажущаяся достаточно новой. В свое время — в 60-е годы — эта концепция с легкой руки американского социолога Дэниэла Белла была введена в тематику широкой политико-идеологической дискуссии, в рамках которой обсуждались и «небезызвестная теория конвергенции», и последствия научно-технической революции в современном обществе, и, разумеется, противостояния двух «сверхдержав». В дискуссии были вовлечены представители практически всех идейно-политических течений. Только крайние — крайне правые и крайне левые (прежде всего коммунисты) — высокомерно ушли и от дискуссии. И в обществе «реального социализма» экономика и политика были по-

просту в очередной раз принесены в жертву идеологии. После некоторой оттепели вновь пришли заморозки. И надолго...

Между тем если порыться на полках с «несгоревшими рукописями», то зачинателей дискуссии о «конце идеологии» мы можем найти уже в самом начале века и притом в своей родной стране. Были пророки в отечестве нашем.

Прежде всего, конечно же, приходят на ум авторы знаменитых «Вех», с работами которых мы уже знакомы читателям. Те достаточно своеобразно поставили проблему идеологии и интеллигенции, роли последней в обществе и политике. Правда, само понятие «интеллигенция» они брали в несколько особом смысле — это скорее состояние ума, «зараженность» идеологическими символами, отпечаток отживших мифов на общественной деятельности социально активных слоев. Специфическое использование этого понятия привело к непониманию по-

зиции «веховцев» в «интеллигентской» среде, к которой они прежде всего и обращались. Свою роль сыграла и резкость постановки вопроса...

«Вехи» вызвали немало голосов им оппонировавших. В частности — сборник «Интеллигенция в России» (СПб, 1910 г.). Инициаторами выступили «обиженные интеллигенты» из числа руководителей кадетской партии, среди них П. Милоков. Его статья была самой резкой. Но между тем книга содержала несколько и вполне нейтральных статей, которые подтверждали скорее правоту «веховцев», чем их грехи. Речь шла скорее о различном толковании понятий, но не о существенных расхождениях...

В этом смысле интересна вошедшая в книгу статья выдающегося культуролога, профессора Харьковского и Московского университетов, академика Дмитрия Овсянико-Куликовского «Психология русской интеллигенции». Ученый колоссальной эрудиции,

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ-
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

учившийся в лучших столичных университетах, а также в Праге и Париже, он долгое время занимался психологией творчества, сравнительным изучением мифологических систем, сочетая это с исследованиями истории русской культуры. Эта работа привела его к попыткам понять общественные конфликты современной ему России. Одной из таких работ и стала названная выше статья, в которой он и подошел к выводу о скором «конце идеологий» в России. Отрывки из нее мы и публикуем сегодня.

Конец идеологии

Дмитрий Овсянико-Куликовский (1853–1920)

Термин «интеллигенция» я беру в самом широком и в самом определенном смысле: интеллигенция — это все образованное общество; в ее состав входят все, кто так или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно принимает участие в умственной жизни страны.

Интеллигенция есть мыслящая среда, где вырабатываются умственные блага, так называемые «духовные ценности». Они многочисленны и разнообразны — и мы классифицируем их под рубриками: наука, философия, искусство, мораль и так далее. По самой своей природе эти блага или ценности не имеют объективного бытия вне человеческой психики: не существует науки, философии, искусства, морали и так далее как чего-то внешнего, а есть только научная, философская, художественная, моральная деятельность отдельных лиц и групп. Оттуда особо важное значение получает вопрос о субъективном отношении лица к той или иной умственной деятельности. Для изучения психологии мыслящего человека, как представителя интеллигенции в данной стране и в данное время, недостаточно указать на факт, что он причастен к тому или другому роду умственной деятельности, занимается какими-то научными или философскими вопросами, следит за успехами в этих областях и так далее. Нужно еще уяснить, чего ищет человек в этих занятиях, что ценит он в науке или философии и какое место занимают они в его душевном обиходе. Одним словом, тут выдвигается вопрос о психологических отношениях мыслящего человека к той или иной умственной деятельности, в которой он так или иначе участвует, — все равно, как специалист, или как любитель, или, наконец, просто как образованный человек, следящий за успехами человеческого ума на различных поприщах.

Эти отношения бывают весьма разнообразны... И трудно найти человека, который был бы так разносторонне одарен, что его психика могла бы расширяться, так сказать, во все стороны и воспринимать все духовные блага, не урезывая их. Всего чаще люди оказываются способными воспринимать полностью лишь некоторые духовные блага, остальные же они так или иначе приспособляют к потребностям своего внутреннего мира.

В странах, где духовная культура давно упрочилась, где интеллигенция есть явление не новое и пережила долгую историю развития, где на разных поприщах умственного труда выработалась известная дисциплина мысли, мы не видим резкого разграничения между двумя указанными категориями. Там первая категория сводится преимущественно к творчеству духовных благ, а вторая к той форме их восприятия, для обозначения которой всего лучше подходит термин «рецепция», применяемый в юриспруденции: духовное благо просто приемлется всяким, кто может его воспринять, и это делается сравнительно легко и без заметного приспособления, урезывания и переоценки — благодаря усвоенной и унаследованной воспитанности мысли, ее изощренности и восприимчивости.

Иначе стоит дело в странах отсталых, где духовная культура есть дело новое и непривычное. Там вторая категория не только преобладает над первой, но и в ней самой из массы возможных случаев выделяются и получают особое распространение и значение те, к которым неприменим термин «рецепция» и которые сводятся к напряженному исканию идей, к тому, что называется «выработкой миросозерцания». Здесь люди не приемлют духовные блага, расширяя сферу своих духовных интересов и углубляя емкость своей мысли, а выбирают то, что представляется отвечающим их душевным запросам.

Они ищут синтеза знаний, идей, моральных стремлений, а также нередко и религиозных. Они хотели бы решить все вопросы, в том числе и неразрешимые, над которыми тщетно трудились величайшие умы. На почве этих исканий и создается так называемая «идеология»; всякое духовное благо оценивается не по существу, а сообразно с характером и направлением идеологии.

Интеллигенции всех стран прошли через этот фазис. Тип интеллигента-идеолога был известен повсюду; это общечеловеческий тип, в известные эпохи весьма распространенный. Но в настоящее время в передовых странах Европы он сравнительно редок и большой роли не играет. Другое дело — у нас...

Русская интеллигенция с XVIII века и до наших дней переживает идеологический фазис. Этим я не хочу сказать, что все без исключения русские интеллигенты принадлежали и принадлежат к идеологическому типу. В разные времена были и теперь есть такие, которые обходились без идеологических исканий. Возможно, что их было вовсе не мало, и в настоящее время их число увеличивается. Но всегда они составляли меньшинство, и притом весьма маловлиятельное. Большинство интеллигенции принадлежало к идеологическому типу...

Идеология есть мирозерцание и система убеждений человека. Но не всякое мирозерцание и не всякая система убеждений есть идеология. Различие зависит от психологических отношений человека к его идеям, понятиям и убеждениям. Это различие бросается в глаза, но выяснить его психологические основания и дать ему исчерпывающее определение не так-то легко. Пока я указал на одну черту: на род психологически-религиозного отношения человека к его воззрениям и убеждениям, как на выдающийся и наиболее ясный признак идеологической натуры. Назвать эту черту фанатизмом нельзя, ибо, во-первых, не всякий фанатик — идеолог, а во-вторых, как я постараюсь выяснить это, идеолог может и не быть фанатиком, подобно тому как есть натуры глубоко религиозные, но отнюдь не обнаруживающие религиозного фанатизма...

Обратимся... к Чацкому... Чацкий переживает «миллион терзаний» и при этом не замечает иллюзии, которой он невольно поддается: он противопоставляет свои понятия понятиям среды, вступает в споры, проповедует свои идеи Фамусову и Скалозубу, предполагая, что тут происходит столкновение нового мирозерцания со старым, и обольщаясь мыслью, будто можно «горячим словом убеждения» обратить отсталых и темных людей «на путь истины». Так и все мы склонны думать, забывая, что тут вовсе нет столкновения двух «мирозерцаний»: у Чацкого, конечно, есть свое мирозерцание и своя система убеждений, но ни у Фамусова, ни у Скалозуба, ни у Молчалина никакого «мирозерцания» нет, — и выходит, что идеи Чацкого сталкиваются не с идеями Фамусовых и Скалозубов, а с их традиционными психическими навыками, которых не проймешь «горячим словом убеждения» и в борьбе с которыми бессильно само образование, пока устои быта остаются те же. Позже русская жизнь выдвигала не раз очень образованных Фамусовых и весьма просвещенных Скалозубов, не говоря уже о многочисленных Молчалиных с высшим образованием. Чацкий с его передовыми идеями и вся эта среда с ее отсталыми понятиями находятся в разных плоскостях. Идеи столкнулись здесь не с идеями, а с бытом. Вот именно это фатальное, исторически обусловленное столкновение передовых идей с отсталым бытом и образует почву, на которой вырастают идеологии. На этой почве всякий гуманный и убежденный человек — все равно, фанатик ли он или нет, по необходимости превращается в идеолога.

Это подтверждается примером тех, которые по складу ума и по натуре, казалось бы, вовсе не призваны к идеологической деятельности — к выработке цельной системы воззрений и к проповеданию идей. Волей-нево-

лей при столкновении их понятий с бытом и они становятся в позу идеолога и вносят свой вклад в развитие идеологии или по крайней мере содействуют, хотя бы пассивно и нехотя, упрочению традиций идеологического отношения интеллигенции к действительности. Таков современник Чацкого Онегин — широкий тип передового человека 20-х годов, но без горячности Чацкого, тип человека с «охлажденным умом, кипящим в действительности»...

...Черта, присущая — в большей или меньшей мере — всем идеологиям... состоит в том, что философская (теоретическая) часть их не имеет всеобщего значения, какое имеют настоящие философские системы, а их практическая (прикладная) сторона, слишком тесно связанная с философскою, не получает реальной силы — практического дела в смысле общественной или политической деятельности — деятельности партии. В лучшем случае выходит нечто вроде секты.

Идеолог слишком философ, чтобы быть практическим деятелем, и слишком моралист, публицист и деятель жизни, чтобы быть настоящим философом. Философские и научные ценности приносятся к нему к моральным и практическим запросам, а эти запросы получают своеобразную философскую постановку, отпугивающую всех, кто, имея те же запросы, не может ее принять. Идеологии, если они сколько-ни-

будь разработаны, обращаются, подобно религиозным верованиям, к тем, которые по своему духовному складу к ним предрасположены, и в этой среде они вербуют adeptов и получают распространение...

В истории развития наших идеологий этот период можно назвать «доисторическим»: настоящая история наших идеологий начинается лишь в 40-х годах, когда возникли два основных течения русской идеологической и общественной мысли — славянофильство и западничество. Это были первые у нас проявления умственного творчества, получившие общественное и даже (в возможности и в последующих воздействиях) политическое значение. В этом смысле их и называют «партиями». Но вот что сразу бросается в глаза и может смутить постороннего наблюдателя: эти враждующие «партии», казалось бы, совсем непримиримые, в практических пожеланиях сходились по всем существенным пунктам; обе одинаково жаждали освобождения крестьян, ограничения бюрократической опеки, широкой постановки народного образования, свободы совести и печати. С этой стороны эти две партии сливались в одну, и здесь до поры до времени не было поводов к спорам и вражде. Тем не менее вся история их в 40-х и частью в 50-х годах прошлого века была сплошным спором и непрерывной враждой. Искать причин этого разлада в общих философских предпосылках нельзя, потому что обе партии черпали их из одного и того же источника — из немецкой идеалистической философии; большинство западников и славянофилов были гегельянцы. Разлад был обусловлен различным пониманием русской истории, национальных особенностей русского народа и его призвания в будущем. Западники были патриотами и даже националистами не меньше славянофилов (достаточно вспомнить Белинского и Герцена), но они не идеализировали Московскую Русь, как это делали славянофилы, прославляли Петра, которого славянофилы ненавидели, и, наконец, расходились с ними по религиозному и вероисповедному вопросу.

И эти «партии», в практических требованиях сходящиеся, стремившиеся к одному и тому же, стояли друг против друга в постоянной боевой готовности, как две секты, исповедующие одного и того же Бога, но различно истолковывающие известные догматы и придерживающиеся разных обрядов.

Эти идеологии разрабатывались в знаменитых московских кружках, отгороженных от остальной России своего рода «китайской стеной»; внутри кружков кипела богатая жизнь духа и развертывалась замечательная ум-

Национализм у народов, у которых подлинное общественное и культурное развитие стеснено, всегда принимает самодовлеющие идеологические формы

ственная деятельность; ничто человеческое не было чуждо обитателям этих интеллигентских оазисов, их умственные и нравственные интересы были широки и разносторонни; они мыслили и чувствовали за всю Россию; это были те избранники, которые среди всеобщего сна проснулись, которые среди повальной умственной темноты и нравственной слепоты прозрели и устремились к свету знания и идеала. Почти все они были восторженные и идеалисты с очень эмоциональным и сентиментальным укладом психики, с умом отзывчивым и чутким, со всею гаммой высших чувств — эстетических, моральных, религиозных. Им была знакома и гражданская скорбь, и мировая. Дневник Герцена и письма Белинского отразили это богатство духовной жизни вернее и полнее, чем отразилась она в литературе той эпохи. Вспомним индивидуальные черты, умы и натуры тех лиц, чья деятельность на этом поприще отличалась особливой творческой силой...

Это великое завоевание культуры. Россия (да и Западная Европа) в 40-х годах была еще далека от этой стадии развития — потребности просвещения, запросы гуманности и освободительные идеи были тогда столь слабы, что, безусловно, нуждались в санкции — если не религиозной, то философской... Созданием идеологий и достигалась эта санкция или ее иллюзия...

Психология русской интеллигенции слагалась и развивалась в навыках идеологических исканий... Дарвина, Конта и Маркса брали не по существу... а идеологически — применительно к душевным запросам русских интеллигентов, ищущих мирозерцания и объяснения смысла своей жизни... Спорили на эти темы так точно, как некогда спорили в кружках 40-х годов. Переменялись темы, идеи, имена, но неукоснительно продолжалась традиция идеологических споров. Эти всероссийские споры — благодарная тема для пародии и шаржа. Но было бы непростительной ошибкой упускать из виду их положительную сторону и их — скажу прямо — творческое значение. Можно документально доказать, что в них-то и выковывались наши идеологии и направления...

Можно смело сказать, что наши идеологии, в особенности же наиболее значительные и влиятельные из них, не были продуктом одиночного творчества гениев или талантов, увлекавших «толпу»: они возникли в самой гуще интеллигентской жизни. Тут перед нами не «толпа», а в психологическом смысле организованные кадры интеллигенции, перед нами мыслящая среда, проявляющая большую умственную и моральную активность. В ней и воспитывались наши идеологи, черпая отсюда отправные точки, материал идей и все вообще умственные и нравственные предпосылки для своего индивидуального творчества. И их идеологические построения возвращались обратно в эту среду как к себе домой, являясь стимулом для дальнейшего коллективного творчества.

Из вышесказанного вовсе не следует, что у нас любой интеллигент — непременно идеолог. В силу неизбежной дифференциации уже в 20-х и 30-х годах интеллигенция разделилась на две части: одна принимала непосредственное и активное участие в создании и разработке идеологий, другая либо стояла в стороне от движения умов, либо вовлекалась в идеологическую деятельность случайно и временно... Это был естественный и необходимый «отбор» и в своем роде разделение труда. В результате выходило, что множество лиц, вмешивавшихся в идеологические споры в годы юности (юноша — природный идеолог, до известного возраста, для разных натур различного), вскоре отпадали, убедившись в своей непригодности для идеологического творчества, и последние становились достойным «призванным».

Выше я упомянул мельком о том, что юности свойственны идеологические настроения и искания. То же самое приходится сказать о «молодом» обществе, то есть, точнее, таком, которое не имеет традиции умственного

развития; для него умственные интересы, идеи, идеалы есть нечто новое и чужое, не свое — и общество их заимствует, переживая подражательный период развития. Ему трудно разбираться в массе образовательного и идейного материала, нахлынувшего из-за границы, и оно берет готовые шаблоны и системы идей, усваивая их идеологически как учение, как доктрину, которую приходится принять на веру. Так в XVIII веке воспринималось и «вольтерианство», и масонство. Это уже были идеологии, которые нельзя назвать самостоятельными и самобытными; мы назовем их «самодельными», как можно назвать самодельным продуктом неумелую копию с чужого образца.

В этом начальном периоде идеологическое отношение ко всяким духовным благам, безусловно, необходимо, оно могущественно содействует развитию умственных интересов, шевелит застоявшиеся в бездействии мозги, воодушевляет и увлекает вперед. Столь же необходимо и благовременно идеологическое умонастроение в эпохи, когда очередной задачей времени является выработка национального самосознания. Национализм у народов, которых национальное развитие стеснено, всегда принимает идеологический характер и нередко превращается в настоящие идеологии, в законченные системы идей. Таковы, например, польские и украинские националистические идеологии...

Можно вообще сказать, исходя отсюда, что чем идеология уже, чем определеннее ее проблемы, приуроченные к очередным историческим задачам эпохи, тем она плодотворнее и может сыграть крупную роль в прогрессивном развитии нации. Это положение оправдывается и на примере последующих идеологий, возникавших со второй половины 50-х годов. Тут на первый план выдвигается народничество, в состав которого вошли элементы и славянофильские, и западнические.

Народничество в разных его видах и другие — не народнические в тесном смысле, но родственные ему — направления сыграли крупную роль в истории нашего идейного и морального развития — и не только своим прямым или косвенным влиянием, но и тем, что они были самым оригинальным и самостоятельным продуктом русского идеологического творчества... Кризис народничества, наступивший в 80-х годах, обострившийся в 90-х и затянувшийся до наших дней, и есть кризис русского идеологического творчества вообще. Оно сделало все, что могло и должно было сделать, оказав нашему умственному и нравственному прогрессу незабываемые и неоцененные услуги. Оглядываясь назад, мы можем сказать, что главной движущей силой этого прогресса в течение всего XIX века были у нас именно наши идеологии. Теперь их роль сыграна, и наступает новая эпоха, когда на смену им выступают политические партии в европейском смысле этого слова, а просветительная миссия идеологий сменяется более широкою культурною деятельностью интеллигентных сил, определяемых и движимых уже не тою или иною идеологическою доктриною, а признанием высокой ценности духовных благ по существу и убеждением в необходимости их наивозможно широкого распространения в массе народа.

В настоящее время этот тип интеллигента без определенной идеологии, но с весьма определенными принципами и выработанным общественным и политическим направлением получает все большее и большее распространение. Идеологические искания, разумееется, не исчезли, да едва ли когда-нибудь исчезнут, но они становятся ныне принадлежностью отдельных лиц, любителей, как было это в начале — в XVIII веке, и направляются преимущественно на общеполитические и религиозные темы... Вместе со старою Россиею отходят в прошлое и старые идеологические споры, которые то заменяли дело, то сопутствовали и делу, и безделью.

Когда держава ставит интеллигента на наемную работу, то и протест его против этого приобретает форму протеста поденщика против хозяина

ВЫ ПЕРЕСТАНЕТЕ БЕСПОКОИТЬСЯ,

если
доверите
нам:

- охрану Вашего предприятия или офиса,
- сохранность транспортируемых материальных или денежных средств,
- страхование Вашего имущества

**ГИБКАЯ
СИСТЕМА
РАСЧЕТОВ**

**сделает наше сотрудничество
взаимовыгодным!**
Тел. 362-25-00

(Москва)

Президент Республики Польша Лех Валенса награждает подданного британской Короны депутата Европарламента и постоянного автора «НВ» лорда **Николаса Бетелла** национальным Крестом ордена «За заслуги». В годы коммунистических режимов в Восточной Европе английский аристократ и известный правозащитник всеми силами помогал движению «Солидарность», расследовал обстоятельства катынской трагедии. За свои книги, статьи и эссе по истории польского государства Бетелл попал в «черные списки» правительства Ярузельского, а находясь в Польше в 1988 году во время забастовок на Гданьских судостроительных верфях, открыто вступил в конфликт с властями и подвергся аресту.

За несколько дней до торжественной церемонии награждения вдруг выяснилось, что присланный в польское посольство в Лондоне орден — «старого образца», с гравировкой «Польская Народная Республика». По иронии судьбы Бетелл чуть было не получил награду коммунистического правительства. Пришлось срочно посылать за новым экземпляром...

Узнав 19 августа о по-

пытке государственного переворота в СССР, лорд Бетелл позвонил в Белый дом Ельцину и выразил свое восхищение его «смелостью и решимостью».

Позже он отправил российскому президенту открытое письмо: «...ЕС должно иметь возможность сотрудничать с Россией и странами, лежащими между ними... с целью создания полностью интегрированной Европы, экономика которой развивалась бы беспрецедентными темпами, превосходя в этом отношении Японию или страны Тихоокеанского бассейна». Лорд Бетелл также призвал к сокращению деятельности советских разведывательных служб на континенте, ибо «советский шпионаж на Западе принял большой

размах во время правления Горбачева».

Автор документального фильма «По линии жизни», в котором впервые на ТВ прозвучала правда об Афганистане, 34-летний тележурналист **Александр Бархатов**, по собственному признанию, никогда не был «правым» или «левым». «Телеофициоза» избе-

гал, намеренно приходя на работу в кожаной куртке и джинсах, чтобы на съемку в Кремль послали кого-нибудь «посолиднее».

Бархатов выбирает «горячие точки»: Нагорный Карабах, Чечено-Ингушетию, Молдову, Прибалтику. Он снимал репортажи в Румынии во время революции, работал в Ираке рядом со знаменитым Питером Арнеттом из Си-эн-эн.

Только что Александр вернулся с шестого континента, где участвовал в спасении антарктической экспедиции и экипажа научно-экспедиционного судна «Михаил Сомов», затертого льдами неподалеку от советской исследовательской станции «Молодежная». Грузовой ИЛ-76 со спасателями и журналистами на борту стартовал из Кейптауна. Редкий самолет в условиях здешней зимы долетит до берегов Антарктиды и совершит посадку на снеговую полосу...

О том, как перегруженный ИЛ — вместо запланированных двух рейсов пришлось вывозить всех зимовщиков одним — ухитрился подняться в воздух при шквальном ветре 27 метров в секунду, Бархатов расскажет в своем новом «горячем» репортаже.

С Чеховым на «Амурском подворье»

Президентом недавно созданного Сибирского чеховского фонда стала 49-летняя театральная критик **Белла Клещенко**. В прошлом году по заданию «НВ» Белла повторила путь писателя Антона Чехова, проехав от Москвы до Сахалина. Во время той экспедиции она установила: дом в Иркутске, на котором красуется мемориальная доска, вовсе не тот, в котором жил сто лет назад А.Чехов. Клещенко разыскала здание бывшей некогда гостиницы «Амурское подворье», где действительно останавливался писатель, и предложила создать там Литературный музей имени А.Чехова. При поддержке фонда и профессора Йельского университета США Роберта Джексона в будущем году в Иркутске откроются международные чеховские чтения.

Белла Клещенко родилась в блокадном Ленинграде. Закончила Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Десять лет работала в молодежной газете на Камчатке. Затем вернулась в Москву, где в Литературном институте имени А.М.Горького защитила диссертацию по драматургии А.Чехова.

Первая акция, которую организует президент фонда Клещенко в конце сентября нынешнего года, получила название «Латвия уходит из Сибири». Группа писателей, ученых, врачей, художников, журналистов отправится на теплоходе «Латвия» из Красноярска вниз по Енисею. Белла надеется, что в результате этой поездки в Сибири будет открыт ряд поликлиник, а также школа имени А.Чехова, где смогут учить родной язык выходцы из Балтийских республик, выселенные в 30-е годы Сталиным в Сибирь.

Б.Клещенко пишет книгу «На приеме у доктора Чехова вся Россия», по которой хочет снять документальный фильм.

Коммерсант и историк из Бангладеш доктор **Сайфул Хок** основал свою фирму «Глобал

компьютер энд электроники» в Москве. Хотя был выбор, где начать бизнес: западноевропейские, азиатские столицы.

В конце 60-х годов пятнадцатилетний Сайфул в составе партизанского отряда нелегально перешел из Восточного Пакистана в Индию. Получил военную подготовку и вернулся домой, чтобы сражаться против войск Исламабада. Был ранен, лежал в госпитале. После победы революции в 1971 году и образования на месте Восточного Пакистана Республики Бангладеш приехал учиться в Киевский университет. Окончил факультет международных отношений, а затем аспирантуру Института Востоковедения АН СССР. Получил лестное предложение: продолжить учебу в ординатуре. Отказался. Не принял приглашения поехать в Женеву, Экономическую школу Великобритании. Остался в Москве и стал бизнесменом.

К несуразностям советской экономики и банковской системы Сайфулу не привыкать: живет он у нас со времен глубокого застоя, а потому имеет несомненные преимущества перед теми коммерсантами, которые только приглядываются к рынку разваливающейся страны. Сайфул намерен создать международный клуб «Проблемы Советского Союза», где его коллеги смогут получить совет опытного коммерсанта и бывшего партизана...

В.Брель

Сколь бы ни было легким поведение тех, кто занимается самой древней профессией, бывают и у них тяжелые времена. Сенсацией стало известие о том, что самая извест-

ная в Германии 45-летняя проститутка **Доменика** решила оставить свое ремесло и переквалифицироваться в социального работника. «Нельзя же всю жизнь ублажать мужчин, пора подумать и о своих коллегах», — решила однажды Доменика. Однако это вовсе не означает, что гамбургскую «сухопутную галерею» больше не увидят на Репербане — улице ганзейского города, где сосредоточены сотни ночных кабаре, секс-шопов и

контактхофов, — основном месте работы магдалин и гетер. Доменика будет теперь заниматься социальной защитой тех жриц любви, которые стали или становятся наркоманками. Только теперь в отличие от прежних времен рабочий день Доменики будет начинаться утром. В социальном ведомстве Гамбурга, которое предоставило работу Доменике, не стали особенно придираться к тому, что у женщины нет высшего или специального образова-

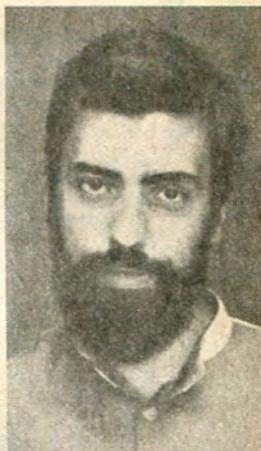
ния. Поручкой стал ее опыт.

За последние месяцы 38-летний астролог **Павел Глоба** не раз предсказывал начало контрреволюционного переворота. С августовскими событиями он ошибся на месяц. Или хунта сама перенесла начало переворота, узав о предсказании Глобы?..

Несмотря на собственные мрачные предвидения, Глоба женился во второй раз. Его избранница родилась в год Петуха.

Женщин Павел, по его словам, предпочитает умных: «Если женщина глупа, как утка, то ее место должно быть, как и у утки, — на ферме». Свой же развод с умной Тамарой он объясняет невозможностью существования под одной крышей двух Личностей. Впрочем, разрыв личных отношений не мешает двум астрологам вместе смотреть на ночное небо, сохраняя духовный союз.

Глоба, по гороскопу

Рак и Змея, родился в Москве, окончил Историко-архивный институт. Работал сторожем, дворником. Астрология оказалась самым сильным его пристрастием.

На февраль 1992 года Павел Глоба предсказывает новый переворот. «Если февральские события мы переживем достойно, то уж потом все будет легче». Он предрекает: «Если год Овцы благополучно пронесет советских людей над пропастью длиной в три года, то мы плавно останемся на другой ее стороне в год Черной Собаки, которая символизирует стража закона и порядка». Но не Крючкова и не Пуго.

Павел — сторонник Ельцина. По его мнению, «это сейчас наиболее реальная фигура», что, впрочем, очевидно и без астрологии. Но считает его в то же время «слишком возбудимым и активным человеком, которому нужна в противовес более мягкая личность, как Силаев».

Глоба считает себя человеком крайностей и даже авантюристом. «Иначе бы я не выдвинулся», — объясняет он. «За последние 2,5 года я услышал в свой адрес больше гадостей, чем за всю жизнь», — признает Павел Глоба.

А.Плещая

Кадр вверх ногами — фильм на полку

Самым крупным «полковником» Литовской киностудии называли еще недавно кинорежиссера **Генрикаса Шаблявичюса** — по числу фильмов, положенных «на полку». Власть держащие кинематографы были уверены, что фильмы Шаблявичюса — о диссидентах. Хотя сам режиссер считает своих героев обыкновенными людьми.

Снятый в 1973 году документальный фильм «Аполинарас» был запрещен из-за того, что герой картины не соответствовал стереотипу представлений о советском милиционере. Ленту «Все хорошо, все отлично» положили «на полку» из-за шаловливого финала, где один кадр был вставлен вверх ногами. Члены комиссии рассудили так: если у человека «все так хорошо, все отлично», то зачем ему стоять на голове? А в «Солнечном круге» цензорам не понравились «объективно некрасивые советские люди». Не нравился даже снег на фоне темнеющего леса, в котором высокие комиссии усматривали намек на борьбу литовского народа за независимость...

Шаблявичюс никогда не скрывал своего отношения к положению Литвы в составе СССР: «Никто не может отнять у человека данного ему природой права жить и быть свободным». Почти три десятка лет преподает он в консерватории, учит будущих режиссеров телевидения тому, во что верит сам. И горд, что ни один из его учеников не согласился работать на литовском телевидении, захваченном зимой нынешнего года десантниками и «комитетом национального спасения».

Павел Судоплатов

Борис Жutowский

Большая светлая гостиная. Эркер. За тюлевыми занавесками, внизу на проезжей части, — серый обелиск «Тремстам русским воинам, погибшим в Бородинском сражении». Дом, выросший на костях русского московского кладбища депутатским подвигом Федоса Шавлюгина, вместил в свои хоромы партийную элиту страны.

Вершины своей значительности он достигнет позже, когда в нем поселятся, а потом уйдут в мир иной Л. Брежнев, Ю. Андропов, Н. Щелочков. Прибьют и скovyрнут мемориальные доски. Придет и сгинет охрана. Квартиры обветшают, и во дворе вырастут горы труб, ванны, битой плитки. Обелиск переедет к Панораме Бородинской битвы, а по костям русских воинов заездят машины и заскребут дворники. Соседнее, еврейское, кладбище тоже исчезнет под домом ЦК, и только мальчишки, играя на крутом спуске к реке, будут набивать шишки и ссадины о каменные плиты с ивритскими письменами.

...А тогда на диване под большой картиной в золотой широкой раме — красные маки — трофеи войны — сидела яркая дама с широким лбом, большими на краях лица глазами, аккуратным носиком и громким, с трещинкой, голосом. Мы с приятелем, сыном хозяев, изо всех сил старались «показаться». Яркая дама, Эмма Карловна, прощаясь, пригласила нас в гости.

Особняк Ягоды на улице Мархлевского, правда только правая часть, был ее домом.

Где-то в тот час бродили двое ее сыновей: один — телефонный мастер, другой — школьник. Это как-то смутно всплывает из тридцатилетней давности вместе с рюлем, чаем и тогдашним недоумением — кто, что, как? И мне рассказали, что муж Эммы Карловны, Павел Анатольевич, Павел, генерал-лейтенант, ве-

рой и правдой служивший по ведомству Лаврентия Берии, так перенервничал в недавних передрыгах (дело, как вы понимаете, происходит в 1955 или 1956 году), что впал в летаргический сон. А пока спал, его оболгали, повешивали разного, приписали, обвинили, заклеямили, потом разбудили и посадили. Правда, других его сослуживцев расстреляли, ну тех за дело, а его упекли во Владимирскую тюрьму, где он и есть, а Эмма Карловна героически бьется с нищетой и несправедливостью. Эмма Карловна действительно героически билась за выживание и себя, и своих близких. Ну, не мытьем полов и окон, но шитьем платьев знакомым. И была прилюдно весела, говорлива и, что называется, живиальна по всем статьям. Несколько раз мы пересекались в том же доме, всегда радые почесать язык и остаться довольными самими собой.

Тогда же я спросил у близкого мне человека, знавшего ведомство не понаслышке, о Судоплатове.

А ты откуда его знаешь?

Я объяснил.

Обер-убийца! Покушение на Троцкого, теракты контрразведки, расправа с присоединенной Прибалтикой, польские офицеры в Катыни, лаборатории смерти по всей стране... Лучше забудь.

Ну вот не забывается, поди ж ты... И прошло много лет, почитай жизнь...

В конце семидесятых, по ранней весне, меня опять позвали в этот дом, хотя «дом» был в другом месте, в старом роились дети и внуки.

Приходи, повидаемся, будет Эмма Карловна и Павел Анатольевич.

Так я увидел его впервые.

Очень невысокого роста. Густые, с проседью волосы. Черные огромные брови. Улыбчивые маленькие глазки, один, впрочем, хворый. Рот без губ. Темный костюм, чистенные башмаки, жилет. Руки сухие и мягкие. Маленькие.

Эмма Карловна слегка раздалась, но так же громко рассказывала что-то на уже другом диване под той же картиной.

С ними был младший сын «школь-

ник», лоценький, высокий, довольный.

Он все время говорил с отцом, как бы единственно для него интересным, шуря близорукие, в тенях ресниц «мамины» глаза.

Вышли покурить.

Зашел разговор о А.И. Солженицыне, в тот момент что-то в его взаимоотношениях с режимом вышло за пределы беспредела и всколыхнуло кровавое болото.

Схема полупраз лежала в русле — они (плохие), опять с ним (отважным), а мы (разделяющие с ним) непременно бы, если... Лестничная смелость. В паузе, вдруг обозначив скулы на пухлых щеках, он произнес: «Я бы этого Солженицына собственными руками...»

Все заторопились к чаю, тарту. Эмма Карловна говорила, Павел Анатольевич улыбался...

И опять волоклись годы. И опять город, страна и друзья зарастали все глуше сорняком, являя кладбище возможностей в шестую часть суши.

Вяло шевелось в очередной надежде середины 80-х, я как-то позволил старым знакомым и предложил событие: «Давайте я нарисую Павла Анатольевича, ведь возраст, время...»

«Зачем?»

«Так я давно рисую тех, с кем прожил, видел, был».

На второй же день было согласие. И я поехал.

Квартира была другой, недалеке от телецентра, на заросшей домами улице, когда-то в вязых старой дороги к Останкинскому парку.

Эмма Карловна серьезно болела на широкой двухспальной кровати. Постаревшая, но все та же, узнаваемая, с голосом, глазами, мыслью. Комнаты и кухня были уставлены мебелью разных времен, разной сохранности — и все нелюбимое. Перевезенная, да так и служившая — кукушкино гнездо.

За стеклами книжных полок в «кабинете» — фотографии выросших детей, внуков. Хозяин дома со слушателями школ КГБ в разных городах страны — все недавнее. Ни старых фотографий. Ни одной дарственной.

Два маленьких пейзажика маслом. «Это Щербаков, наш человек, вам нравится?»

Книги. «Вот мои. Я ведь много пишу, но под псевдонимом, как вы понимаете. Вместе с И.Г. Я рою архивы, а она обрабатывает. Наш человек».

Постепенно росло чувство, что «наши» все многочисленнее и неизбежнее окружали меня все прошитое время, и сейчас в разговор начинают отделяться от стен, приподнимать паркет и подмигивать из-за люстры и подоконника, выползть

© Б.Жutowский. Журнальный вариант.

из-под кресла и осыпаться с длинного белого хвоста летящего в высоту истребителя.

Мы сели работать.

Хозяин был одет чисто. В тапочках, но пиджаке, сорочке без галстука, но с застегнутой верхней пуговкой. Второй глаз оживел, руки подсохли и кое-где покрылись пятнышками возраста.

На всякий случай Павел Анатольевич спросил меня — зачем?

Я повторил легенду.

Очень хотелось чего-то услышать, но «объект» молчал.

Я спросил, вдруг осмелев и пытаюсь подтолкнуть его к разговору: не хотел бы он написать о прожитой жизни?

«Нет, это невозможно», — ответил он сухо.

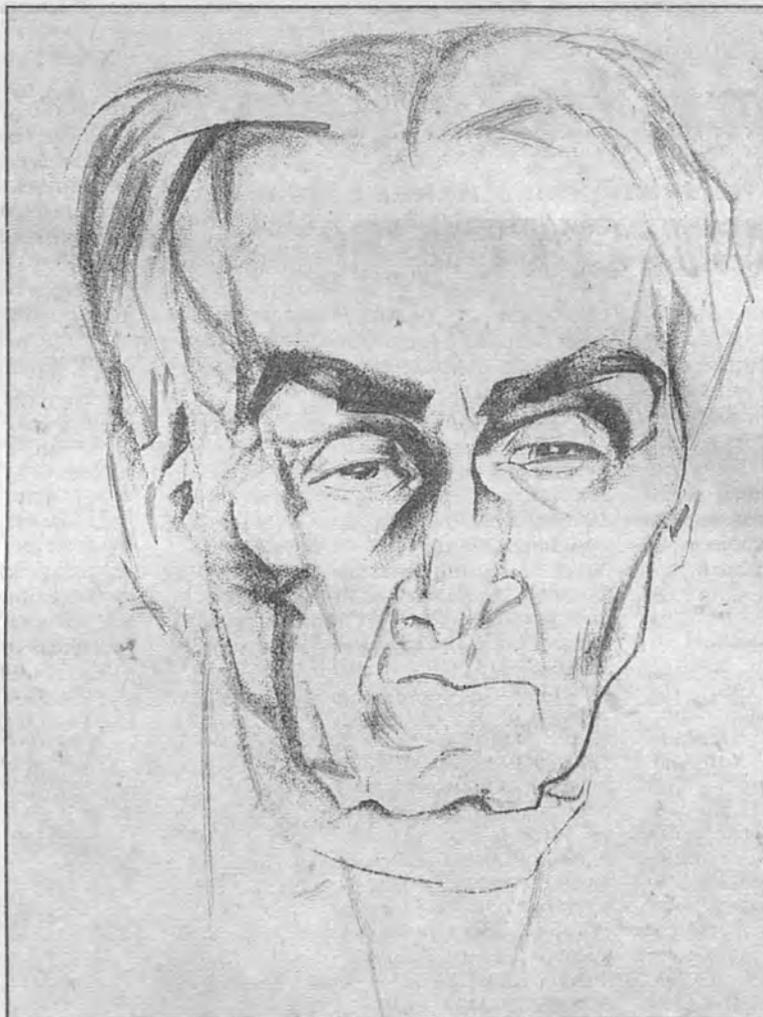
Не клеилось.

Почувствовав и мое любопытство, и свою невежливость хозяина, он вдруг стал рассказывать о героях собственных книг — «пламенных революционерах». Яд писательства сидел в крови — не просто же для заработка рыл он архивы? — и обладание тайнами империи за все время ее существования сложены были на полочках памяти стройно и компактно.

И очень хотелось остаться в истории — массовая «болезнь» человечества. Примеров тому несть числа — от крестиков первых крестоносцев на стенах храма Гроба Господня в Иерусалиме до названия кораблей и площадей по всей Земле. А мое предложение портрета было из этого ряда — но совершенно безопасное и верное!

Потом рассказ перешел на войну и партизанское движение — одним из организаторов которого считал себя П.А.

Вообще война для многих из «них» была тем событием, которое, очевидно, делало их борцами за судьбу страны и народа, руководителями праведного и бесспорного, борьбы с врагом, победы, салютов. Она же и давала им возможность варьировать свою роль, других соратников, незаметно, с годами, населая собственное сознание искипительным и героическим поведением. До сего дня никто еще всерьез не

«Лаборатории смерти»
Судоплатова были
по всей Сибири.
«Много было гуманного», —
вспоминал он

сомневался вслух о цене, заплаченной за эту победу, никто всерьез не обвинял ее генералов в безумной, «на авось», растрате человеческих жизней. Под это списывались и ГУЛАГ, и лаборатории смерти, и весь разбой.

Несколько лет спустя, в 90-м году, я оказался на Кольме и Чукотке — в нескольких «сталинских» лагерях. В романтически-жутких уголках края в ущельях и на вершинах громоздились бараки, опутанные еще живой колючей проволокой, валялись расчески, миски, пуговицы, рукавицы — все, все.

На кладбищах, на отшибе, под несколькими камнями серели черепа со сплывшей крышкой, здесь же и торчащей, черепа почти без зубов...

После долгих расспросов уже в Магадане только один отважился (остальные молчали или уговаривали «не лезть»): лаборатории смерти Судоплатова. Это и в Карлаге. Мы тогда еще это знали...

Война была легальным козырем и для моего собеседника.

«А вот знаете, Боря, это, правда, было давно, я уже уехал из Одессы в Харьков, а Эммочка осталась в Одессе», — продолжал он в перерыве, привалившись в полбоба рядом с Эммой Карловной.

«Я очень устал, было много тяжелой работы, повсюду — враги, и я иногда вырывался в Одессу передохнуть, погулять с Эммочкой. И вот однажды, вернувшись в Харьков, я узнаю, что в городе появились антисоветские листовки. Их было много. Они были переписаны от руки детским почерком. Там слово «буржуазия» было написано с двумя ошибками. И мы поняли, что это действительно молодой человек писал эти листовки.

Для этого уже тогда были способы определения. Ну и мы, конечно, быстро нашли этого молодого человека. И тех, кто его вдохновлял. Ну, с этими разговорами был короткий, с теми, кто вдохновлял...»

«Конечно», — встала Эмма Карловна, отнюдь не пытаясь подержать П.А., а просто

от переполнявшего ее за рассказ чувства соучастия и справедливости.

«Да, — продолжал П.А., — а нашим руководителем в то время был Косиор — вы, вероятно, слышали эту фамилию? Так мы доложили Косиору об этих событиях».

Мне очень хотелось спросить: доложили, уже хлопнув «вдохновителей», или еще нет? Но промолчал.

«Косиор выслушал нас очень внимательно, подумал и сказал: «Мальчика не трогать!» И вы представляете, Боря, мальчика не тронули».

Я опять молчал. Молчала и Эмма Карловна, ожидая.

Павел Анатольевич пошелозил, гнездясь в подушке, вдохнул и сказал с выдохом: «Да, много было гуманного, много...»

Мужик и префект

Когда-то на заре перестройки Михаил Горбачев поразил человечество сообщением, что в СССР 18 миллионов бюрократов

Демократы были против бюрократов. Они агитировали народ, и народ решил заменить ненавистных бюрократов на демократов, полагая, что они-то знают, что народу нужно.

В результате демократы победили бюрократов и принялись за удовлетворение народных нужд.

Первым и самым нужным делом они сочли показать себя и народ миру. Поэтому каждая из трех балтийских республик, например, немедленно установила дипотношения с ведущими странами Запада. С восемнадцати, кажется. Для этого понадобилось 18 зданий посольств в каждой из трех балтийских столиц. Кроме того, 18x3 прибалтийских послов, 18x3 первых секретарей, на подходе 18x3 атташе, советников, офицеров безопасности и т.п., которые разъедутся по западным столицам. Разумеется, нужен еще аппарат министерства иностранных дел. Глупо думать также, что может быть военный атташе, а министерства обороны не будет. Ну и, конечно, другие министерства нужны.

Но демократы — не бюрократы, и, очевидно, не все 160 стран мира будут иметь посольства в Риге, Вильнюсе и Таллинне. Потому что может получиться так, что на каждом втором приличном доме будет висеть иностранный флаг и население столиц будет состоять из сотрудников министерств и иностранных дипломатов.

Это, правда, не страшно, ибо прибалтийские крестьяне известны своим трудолюбием и, оставшись

даже в очень малом количестве, сумеют прокормить дипломатический корпус. В крайнем случае скандинавы помогут.

Сложнее дело обстоит в Москве. Хотя там количество дипломатов увеличится ненамного — Министерство иностранных дел России плюс посольства всех независимых суверенных республик (может быть, еще Башкортостана, Крымского ханства и Якутского шаманата), — Москве грозит другая опасность. Мэр Гавриил Попов решил умерить москвичей.

О том, насколько увеличилось ко-

личество сотрудников мэрии и примыкающих организаций (одно «правительство» Москвы чего стоит) по сравнению с прежним исполкомом, мы не знаем. Но кое-что можно спрогнозировать по закону Паркинсона.

Мэрия берет в свое распоряжение дополнительно к тому, что у нее было, еще несколько домов: бывший СЭВ, бывший музей Ленина, комплекс строений бывшей дачи Брежнев-Кунцево-2. Но согласно Паркинсону организация заполняет все предоставленные ей помещения и вскорости требует новых.

Поэтому можно совокупную площадь этих строений разделить на число квадратных метров, нужных для функционирования одного демократа, и получить количество новых бюрократов.

И это при том, что москвичам придется жить где-то. Впрочем, жить где-то, есть нечего — это все популистская демагогия.

Мы же занимаемся наукой. Мы выработаем методику исчисления количества бюрократов на территории бывшего СССР. Конечно, сейчас пока трудно прийти к окончательным выводам. Переходный период. Сравнительно легко подсчитать количество дипломатов и сотрудников мэрии. Абсолютно нетрудно вычислить, что министров обороны (а также их первых, вторых и третьих замов) будет в пятнадцать раз больше.

Все остальное зыбко, неустойчиво. Ясно одно: бюрократов на одной шестой части суши будет скоро в несколько раз больше, чем до перестройки и революции. И скоро изгнанные коммунисты начнут из подполья революционную агитацию против прогнившей бюрократической системы. И новый Ленин будет цитировать нового Салтыкова-Щедрина о том, как один фермер двух префектов прокормил.

Рисунок Виктора Богорада

Д. Аллин

АНГЛИЙСКИЙ ДЛЯ ВСЕХ

Только в книжном магазине № 6 г.Москвы для изучающих английский язык продается «Семейный альбом» (производство «Максвелл Макмиллан», США, и издательство «Русский язык», СССР). В создании альбома принимает активное участие языковая школа «Берлиц», которая имеет свои филиалы в 120 странах, включая СССР. Книга является сопровождением к видеокурсу, который демонстрируется по телевидению с 6 сентября по второй программе.

VIEWER'S GUIDE 1
EPISODES 1-13
HOWARD BECKERMAN

BERLITZ

Family Album, U.S.A.

TELEPLAYS BY
ALVIN COOPIRMAN
AND GEORGE LEFFERTS

Стоимость альбома 25 руб. Это красочно иллюстрированное издание, которое будет интересно не только приступающим к изучению языка, но и имеющим уже некоторые разговорные навыки.

Адрес магазина – Москва, Кузнецкий мост, 18.

The Manila

ВАШ РЕСТОРАН В МОСКВЕ

КРЕДИТНАЯ КАРТА И СКВ
АДРЕС: УЛ. ВАВИЛОВА, 81
ТЕЛЕФОН: 132-00-55